Духъ разрушающій есть духъ созидающій. *У рабочихъ нѣтъ отечества.*

Рабочее Знамя

Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

№ 5. Лозанна. Декабрь 1915. № 5.

НАШЪ ЛОЗУНГЪ

«Исторія — не абстракція и не продуктъ личнаго произвола, а только наиболѣе логичное выраженіе тѣхъ началъ, которыя живутъ и дѣйствуютъ въ массахъ. Массы иногда, по близорукости и невѣжеству, отвлекаются въ сторону отъ столбовой дороги, ведущей прямо къ ихъ цѣли, и нерѣдко становятся въ рукахъ правительства и привилегированныхъ классовъ орудіемъ для достиженія цѣлей, рѣшительно противныхъ ихъ существеннымъ интересамъ».

Бакунинъ.

Катастрофа, разразившаяся надъ міромъ, явилась слѣдствіемъ произвола правительствъ и хищничества привилегированныхъ классовъ съ одной стороны и слѣдствіемъ массоваго невѣжества — съ другой. Народныя массы, пропитанныя буржуазно-націоналистическими предразсудками, которые втеченіе долгихъ десятилѣтій прививала имъ совмѣстно съ буржуазіей международная соціальдемократія, повсемѣстно почти безропотно милитаризировались для защиты своихъ, установленныхъ дипломатическими трактатами, отечествъ. Психологическіе корни этой массовой аберраціи слѣдуетъ искать въ невѣжествѣ массъ, въ ложности принциповъ, которыми соціальдемократія всюду успѣла пропитать народное сознаніе. Поэтому повсемѣстная милитаризація народовъ, приведшая къ торжеству буржуазіи надъ широкими трудящимися массами, является въ то же время неоспоримымъ свидѣтельствомъ буржуазности соціальдемократической концепціи.

Народный патріотизмъ, выразившійся въ безропотномъ участіи широкихъ массъ въ защитѣ своихъ отечествъ, — несомнѣнный фактъ. Этотъ фактъ знаменуетъ собою фатальное отступленіе трудящихся отъ ихъ существенныхъ задачъ. Онъ вытекаетъ прежде всего изъ *государственническаго сознанія*, которое жило въ массахъ, и явился логическимъ выраженіемъ претвореннаго въ дѣло государственническаго начала въ нихъ. Наличность государственническаго начала, въ одинаковой степени прививавшаяся всѣми буржуазными политическими партіями, въ томъ числѣ и соціальдемократіей, именно и была тѣмъ условіемъ, которое сдѣлало для правительствъ и буржуазіи возможнымъ использованіе трудящихся для цѣлей, рѣшительно противныхъ ихъ интересамъ. *Государственническое сознаніе* — вотъ въ чемъ вся психологическая разгадка милитаристическаго психоза, жертвою котораго сдѣлались широкія массы.

Катастрофальное военное бѣдствіе, обрушившееся на всѣ пять частей свѣта, правда, заставило соціальдемократію призадуматься надъ нѣкоторыми положеніями своей программы и тактики, но эта «переоцѣнка цѣнностей» лишь съ еще большей очевидностью выявила ея закоренѣлость въ націоналистическихъ предразсудкахъ и ея трусость передъ всесильной буржуазіей.

Какова же дѣйствительная задача революціонеровъ передъ лицомъ рабочаго класса вообще и въ періодъ современной войны въ частности? Общая задача ихъ опредѣляется исключительно интересами рабочаго класса и формулирована Бакунинымъ въ двухъ словахъ: *отвергать всякое политическое дѣйствіе, которое не будетъ имѣть непосредственной и прямой цѣлью торжество дѣла рабочаго надъ Капиталомъ.* Цѣлью рабочей борьбы можетъ быть только уничтоженіе всѣхъ Государствъ и всѣхъ властей, разрушеніе всѣхъ существующихъ державъ со всѣми ихъ политическими, юридическими, бюрократическими и финансовыми учрежденіями.

«Всякое централизованное Государство, — говоритъ Бакунинъ, — какимъ бы либеральнымъ оно ни являлось, хотя бы даже оно носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататоръ народныхъ рабочихъ массъ въ пользу привилегированнаго класса. Ему необходима армія, чтобы сдерживать эти массы, а существованіе этой вооруженной силы подталкиваетъ его къ войнѣ. *Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя Государства*».

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся программа рабочей борьбы: цѣль — *Анархія*, тактика — *борьба съ Капиталомъ и Государственностью, пропаганда антипатріотизма и антимилитаризма*. Эта программа не допускаетъ никакихъ сокращеній, никакихъ постепенныхъ «минимальныхъ» этаповъ, возможныхъ только на основѣ компромисса и сотрудничанія съ привилегированными классами. Она исключаетъ какую бы то ни было возможность рабочаго оппортунизма. Это — программа Соціальной Революціи, направленная непосредственно противъ Государства и Капитала и идущая вразрѣзъ съ ложнымъ ученіемъ соціальдемократіи о предпочтительности одной формы государственности передъ другою.

Свирѣпствующая сейчасъ международная бойня съ наглядностью подтвердила *правильность анархической концепціи*, всегда утверждавшей, что зло вовсе *не въ формѣ* Государства, *а въ фактѣ* его существованія, какъ необходимаго оплота буржуазнаго правопорядка. И событія безжалостно раздавили соціальдемократію, какъ пролетарскую партію, съ очевидностью выявивъ *антипролетарскій* характеръ ея ученія, показавъ *на дѣлѣ*, что республиканскій режимъ такъ же кровожаденъ и имперіалистиченъ, какъ монархическій, и что республиканскій милитаризмъ воинственъ отнюдь не менѣе всякаго другого.

Событія показали, что соціальдемократія нигдѣ не была творческой народной силой, а была лишь причиною народной слабости, приведшей рабочія массы къ самоотрицанію въ пользу буржуазныхъ Государствъ.

Поэтому неизбѣжнымъ непосредственнымъ результатомъ войны будетъ отрезвленіе трудящихся массъ отъ навѣяннаго имъ буржуазіей и соціальдемократіей государственническаго гипноза, будетъ *перемѣщеніе народнаго сознанія въ сторону антигосударственности*. Этотъ процессъ замѣны одного сознанія другимъ уже вырабатывается повсемѣстно самимъ фактомъ войны и съ каждымъ днемъ укрѣпляется. Онъ приведетъ, между прочимъ, къ тому, что на слѣдующій день послѣ войны соціальдемократія будетъ *автоматически* отдѣлена отъ рабочихъ массъ, вытолкнута изъ ихъ сознанія, и должна будетъ занять то мѣсто, которое по праву принадлежитъ ей: на лѣвомъ крылѣ радикальной буржуазіи. И вмѣстѣ съ буржуазіей соціальдемократія тогда будетъ бороться противъ антигосударственнаго трудового народа.

Народная антигосударственность — вотъ ближайшій, интересующій насъ, результатъ войны. Онъ знаменуетъ собою начало *массовой* борьбы противъ Государства и Капитала, начало массовой революціонной борьбы *за Анархію*.

Сейчасъ еще невозможно знать, какъ закончится настоящая война, — будетъ ли она доведена до конца правящими классами или прекратится вслѣдствіе повсемѣстнаго народнаго возстанія. Но во всякомъ случаѣ уже теперь совершенно ясно, что ни одинъ изъ соціалистическихъ лозунговъ, обнародованныхъ различными соціальдемократическими фракціями, для трудящихся массъ непріемлемъ. Всѣ они, будучи разсчитаны либо на побѣду, либо на пораженіе правительственныхъ войскъ того или другого Государства, либо на иллюзорный „демократическій миръ“, вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитаны на продолженіе существованія буржуазнаго строя и централизованныхъ Государствъ. Это лозунги — буржуазные.

Наши задачи по отношенію къ войнѣ непосредственно должны вытекать изъ нашей общей анархической концепціи. Мы — вѣчные противники *всякаго* Государства и потому мы ни для одного изъ нихъ не можемъ желать ни побѣды, ни пораженія, ни „демократическаго мира“. *Мы стремимся только къ революціонному уничтоженію всѣхъ безъ исключенія Государствъ.* Въ военное, какъ и въ мирное время, у насъ только одна цѣль — *Анархія* — и только одинъ лозунгъ — *Революція*.

Этотъ лозунгъ — единственный, дѣйствительно обезпечивающій торжество дѣла рабочихъ надъ Капиталомъ. Мы тоже желаемъ побѣды, но только окончательной побѣды эксплуатируемыхъ надъ эксплуататорами. И мы тоже желаемъ пораженія, но только — окончательнаго пораженія буржуазіи трудящимися массами.

Въ военное, какъ и въ мирное время, для насъ міръ раздѣленъ на два стана. На одной сторонѣ — Революція, на другой — контръ-революція. Средней дороги нѣтъ.

Анархія — наша цѣль, Революція — нашъ лозунгъ. Съ этимъ единственнымъ лозунгомъ должны мы идти въ народныя массы, его должны мы нести и въ войска. Антигосударственное сознаніе всюду пробуждается и наростаетъ и если мы теперь сумѣемъ способствовать претворенію его массами въ дѣйствіе, то еще во время войны и въ каждой странѣ солдаты, въ тѣсномъ союзѣ съ возставшимъ народомъ, повернутъ тяжелыя орудія противъ своихъ буржуазныхъ правительствъ и грохотъ пушекъ повсемѣстно возвѣститъ одинъ освободительный кличъ: *Анархія!*

СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ГРѢХОПАДЕНІЕ И ВОЗРОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО ИНТЕРНАЦІОНАЛА.

(Продолженіе).

3. Современное общество.

Государство, нація, культура, отечество.

г) Отечество.

Анти-интернаціоналистическій характеръ международныхъ соціальдемократовъ проявился въ полной мѣрѣ на фонѣ настоящей войны. Онъ сказался въ ихъ шовинизмѣ, въ повсемѣстномъ признаніи ими *своей* національной государственности и *своего* національнаго отечества какъ высшихъ цѣнностей, которыя пролетаріатъ каждой страны долженъ защищать. На мѣсто международной общей задачи были выдвинуты эгоистическія національныя задачи, громкія фразы о международной солидарности были забыты и потонули въ волнахъ націоналистическаго упоенія предстоящей побѣдой своей отечественной буржуазіи. Пустая фраза въ устахъ соціальдемократовъ, — международная солидарность, — уступила мѣсто полной буржуазнаго содержанія дѣйствительности, — національному антагонизму. При этомъ соціальдемократы повсюду проявили чудеса откровеннаго цинизма и рабской покорности своимъ правительствамъ: „интересы пролетаріата“ всюду были поставлены ими въ зависимость не отъ общихъ классовыхъ задачъ, а отъ политико-дипломатическихъ комбинацій и союзовъ, заключенныхъ ихъ *правительствами*. Національный антагонизмъ былъ объявленъ соціальдемократами пролетарскимъ лозунгомъ по отношенію именно къ тѣмъ странамъ, которыя, вслѣдствіе дипломатическихъ махинацій ихъ правительствъ, очутились отъ ихъ собственныхъ „отечествъ“ по ту сторону проволочныхъ загражденій. Въ этомъ смыслѣ соціалисты-государственники въ мгновеніе ока превратились почти повсюду въ *государственныхъ* соціалистовъ, то есть они стали послушными придатками своихъ національныхъ правительствъ и покорными исполнителями предначертаній своихъ національныхъ буржуазій. Интересы „экономическаго развитія“ *своего* отечества, совершенно явно направленные въ сторону экономическаго порабощенія или ослабленія *чужихъ* отечествъ, стали теоретической точкой отправленія, а *патріотизмъ* и *милитаризмъ* — тактической платформой. Съ перваго момента войны соціальдемократія показала *на дѣлѣ*, что она трусливо и поспѣшно отвернулась отъ Маркса, какъ только онъ, въ моментъ исторической отвѣтственности, предъявилъ ей „ко взысканію“ вѣчный вексель соціальдемократической науки, — Коммунистическій Манифестъ, — въ которомъ, между прочимъ, устанавливается, что *современный промышленный трудъ, сопровождаемый одинаково повсюду — во Франціи, Англіи, Америкѣ или Германіи — порабощеніемъ рабочаго капиталомъ, уничтожаетъ всякія національныя отличія пролетаріевъ*, и что поэтому *у рабочихъ нѣтъ отечества*. Она объявила себя неплатежеспособной, въ мгновеніе ока закрыла свою интернаціоналистическую лавочку, и спѣшно переписала весь свой идейный активъ „на супругу“, — на свою возлюбленную отечественную буржуазію. Правда, вывѣска на лавочкѣ осталась старая, интернаціоналистическая, но вывѣскѣ этой никто ужъ больше не повѣритъ, ибо товаръ тамъ отпускается исключительно „отечественнаго производства“.

Такова позиція, повсемѣстно занятая оффиціальными соціальдемократами по отношенію къ „отечеству“. Ее можно формулировать въ двухъ словахъ: *отказъ отъ принциповъ рабочаго интернаціонализма и признаніе руководящимъ принципомъ буржуазнаго національзма.*

Для насъ, интернаціоналистовъ, признаніе „отечества“ неразрывно связано съ буржуазностью и государственностью.

Въ первоначальномъ своемъ значеніи слово „отечество“ было лишь показательнымъ признакомъ: оно означало страну отцовъ, страну предковъ, мѣсто, гдѣ человѣкъ родился. Но *политическія* потребности буржуазныхъ государствъ извратили это показательное опредѣленіе, подчинивъ его политическимъ нуждамъ, и превратили его *въ принудительную норму*. Буржуазное государство *требуетъ*, чтобы личность признавала своимъ отечествомъ не свою родину, не страну своихъ отцовъ, а *ту государственную территорію*, на которой она является юридическимъ членомъ политической націи, и чтобы личность защищала эту территорію. Эта обязательная принадлежность къ опредѣленной государственной территоріи называется *подданствомъ*, а обязательность защиты ея — *гражданскимъ долгомъ*.

Такимъ образомъ *подданство* является одинаково по отношенію ко всѣмъ гражданамъ принудительной нормой, исходящей отъ верховной власти, Государства, и *предполагаетъ апріорное признаніе за Государствомъ права на полное распоряженіе личностью*.

Мы уже указывали на основную миссію Государства, — на то, что оно является политической организаціей буржуазіи для охраны частной собственности отъ коммунистическаго переворота. Въ этомъ смыслѣ Государство *интернаціонально*.

Но помимо этой основной миссіи Государство имѣетъ еще и *національныя* задачи, которыя раньше всего вытекаютъ изъ характерной для буржуазіи всѣхъ странъ экстенсивной внѣшней политики, направленной къ территоріальнымъ захватамъ. Экстенсивная внѣшняя политика накладываетъ на всѣ безъ различія національныя правительства обязанность въ то же время *охранять границы своихъ государственныхъ территорій* отъ хищническихъ покушеній со стороны другихъ державъ. Это неизбѣжно ведетъ къ тому положенію, что буржуазный миръ между національными государствами вообще возможенъ только при условіи ихъ постоянной готовности къ войнѣ, при условіи народной воинской повинности и существованія цѣлой милитаристической системы. Современныя государства неразрывно связаны съ милитаризмомъ.

Милитаристическія потребности государствъ заставили идеологовъ государственности — соціалистическихъ точно такъ-же, какъ и буржуазныхъ — создать специфически-націоналистическую идеологію, называемую *патріотизмомъ*. Содержаніемъ патріотизма является преимущественная любовь къ *своему* Государству, какъ къ высшей соціальной и матеріальной цѣнности, въ сохраненіи которой заинтересованы одинаково всѣ граждане.

Патріотическая теорія о необходимости „любить свое отечество“ и защищать его, въ настоящее время сдѣлалась общей платформой для буржуазіи и соціальдемократіи. Да иначе оно и быть не могло, ибо какъ буржуазія, такъ и соціальдемократія въ одинаковой мѣрѣ живутъ эксплуатаціей государственности, Государство же немыслимо безъ патріотизма и само собою перестанетъ существовать, какъ только народныя массы станутъ антипатріотичными.

Буржуазно-соціалистическому патріотизму мы противопоставляемъ *рабочій интернаціонализмъ*. Рабочій интернаціонализмъ исходитъ изъ утвержденія, что между рабочими съ одной стороны и буржуазіей съ другой — нѣтъ и не можетъ быть ни на одну минуту никакой общности интересовъ. *Война, какая бы она ни была, оборонительная или наступательная, тоже не можетъ быть предлогомъ для классоваго сотрудничества.* Интересы буржуазіи лежатъ въ области сохраненія и защиты своихъ національныхъ „отечествъ“, какъ государственно-правовыхъ организацій, способствующихъ эксплуатаціи трудящихся массъ, а потому рабочіе, идущіе защищать какое бы то ни было буржуазное „отечество“, всюду способствуютъ укрѣпленію своей буржуазіи и, такимъ образомъ, совершаютъ чуждое и враждебное своимъ классовымъ интересамъ дѣло.

Классовые интересы рабочихъ во всѣхъ безъ различія странахъ одинаковы. Они повсюду заключаются въ уничтоженіи Государства, Капитала и Власти, въ уничтоженіи всѣхъ „отечествъ“ какъ національныхъ вмѣстилищъ государственническихъ принциповъ. Между рабочими различныхъ странъ не можетъ быть никакой вражды, никакого національнаго антагонизма, а должна быть только *классовая солидарность*, вытекающая изъ сознанія необходимости уничтоженія капиталистическаго строя. *Не сотрудничество со всей національной буржуазіей, а безпрерывная интернаціональная борьба со всѣми безъ исключенія буржуазіями, не защита своего отечества, а солидарное стремленіе къ уничтоженію всѣхъ безъ исключенія отечествъ*, — таково единственное содержаніе революціоннаго рабочаго интернаціонализма.

Александръ Ге.

БАКУНИНЪ О ГОСУДАРСТВѢ, ПАТРІОТИЗМѢ и ВОЙНѢ.

Есть мыслители, творцы, о которыхъ можно сказать, что ихъ центральная идея, ихъ завѣтный идеалъ является какъ бы *врожденнымъ*, органическимъ „свойствомъ“ души. Вся ихъ дѣятельность — только обнаруженіе основного свойства, только раскрытіе и проявленіе „идеи“.

Одаренные этимъ свойствомъ творцы какъ бы объясняютъ и оправдываютъ ученіе Платона, утверждавшаго, что душа наша еще до рожденія „созерцала“ и обрѣла *идею* свою, здѣсь же, „въ мірѣ печали и слезъ“, она лишь *припоминаетъ* то, что видѣла и слышала „въ мірѣ иномъ“. Заслуга *воли* мыслителя или поэта выражается лишь въ томъ, что она не дала „скучнымъ звукамъ земли“ заглушить „голосъ небесъ“.

Основная идея Бакунина несомнѣнно является *органическимъ* элементомъ его души. Эта идея — *свобода*. И не отвлеченной идеей, конечно, и не партійнымъ лозунгомъ является выставленный имъ принципъ: „*Свобода недѣлима. Нельзя урѣзать часть, не убивая цѣлое*“... Дробить свободу, минимализировать ее, это значило для Бакунина — дробить и калѣчить душу свою. А его друго-враги только то и дѣлали, что „дробили“ свободу, подыскивая „научныя“ оправданія для этой операціи.

Въ отношеніи Бакунина къ войнѣ, къ патріотизму имѣется то же живое единство, какъ и въ его отношеніи къ свободѣ. Надо только не пользоваться тѣмъ или инымъ кажущимся уклоненіемъ, надо обратиться къ *сущности* воззрѣній Бакунина по этимъ вопросамъ, столь живымъ и волнующимъ именно въ настоящее время.

Трудно себѣ представить Государство безъ психологической предпосылки его, патріотизма.

Ошибочно помещены на мѣстѣ 2-й страницы — 5-ая, а на мѣстѣ 5-й — 2-ая.

вительство надъ вами, надъ вашими идейными цѣнностями культуры и цивилизацiи; вотъ трупы мирныхъ обывателей, препарированные правительствомъ Николая Кроваваго за то, что при жизни они были евреями!

Нѣтъ, этого совсѣмъ не нужно. Это тоже не пробудитъ европейской совѣсти. Буржуазная Европа — двуликiй Янусъ. Одной стороной своего лица, обращенной къ демократiи, она горько плачетъ надъ всѣми ужасами и преступленiями, совершенными на ея глазахъ русскимъ царизмомъ, а другой стороной, обращенной къ Кровавому Царю, заискивающе-сладко улыбается ему съ затаенной надеждой, что и ей перепадетъ „кусочекъ съ барскаго стола".

Нѣтъ, рабочiй классъ всего мiра не долженъ питать больше никакихъ гуманитарныхъ иллюзiй, онъ теперь хорошо позналъ цѣну „культурной Европы". Онъ долженъ знать, что не словами, а *дѣломъ* только возможно освобожденiе угнетенныхъ народовъ и что оно останется пустой фразой, если не связывать его съ освобожденiемъ отъ *буржуазнаго* гнета *всего человѣчества*.

Рабочiй С. Л—нъ

Женева.

ЗАМѢТКИ.

I. Нѣмецъ побѣдилъ.

Русскiе нацiоналъ-реформаторы всѣхъ оттѣнковъ, до соцiальдемократовъ включительно, могутъ праздновать побѣду: черта осѣдлости, этотъ историческiй позоръ россiйской самобытной государственности, фактически почти перестала существовать.

Но почему же нѣтъ ликованiя по этому поводу въ легальныхъ и нелегальныхъ политическихъ кругахъ? Почему Родичевы, Милюковы, Плехановы и даже... бундовцы трубными звуками не возглашаютъ повсесвѣтно о „новомъ курсѣ" и о „политической веснѣ"?

Дѣло просто. На этотъ разъ „реформа" произведена безъ ихъ участiя, больше того—вопреки ихъ участiю. Побѣда вышла довольно кислая. Отмѣна „черты" отнюдь не явилась слѣдствiемъ „полѣвѣнiя" правительства, ни симптомомъ поумнѣнiя коронованнаго идiота, стоящаго во главѣ его, ни уступкою, заплаченной оппозицiи за единенiе ея съ реакцiей. Реформа на сей разъ осуществлена... нашествiемъ полчищъ другого вѣнценосного насильника, Вильгельма II, на Польшу и Россiю. Къ вящей досадѣ Плеханова, Алексинскаго и прочихъ россiйскихъ соцiалъ-капраловъ, нынѣ беззастѣнчиво припадающихъ къ стопамъ и лобызающихъ руку, бьющую ихъ, судьба-злодѣйка насмѣхается надъ ихъ патрiотическимъ рвенiемъ и улыбается „измѣннику" Ленину, провидѣвшему, что не быть въ Россiи конституцiи, если Россiя не будетъ разбита.

А Вильгельмъ, пока-что, въ трогательномъ единенiи со своими собственными соцiалъ-капралами, „освобождаетъ" Россiю. Чтобы доказать мiру свой либерализмъ, этотъ любвеобильный монархъ, собственныя Его Величества тюрьмы котораго переполнены анархистами и „непрiемлющими войну" соцiальдемократами, немедленно по занятiи его войсками Варшавы провозгласилъ тамъ политическую амнистiю. Бѣдный „членъ второй государственной Думы" Алексинскiй, — онъ опять попалъ въ просакъ: ему бы не къ Родзянкѣ, а къ Вильгельму II обратиться съ челобитной. Этотъ куда сговорчивѣе, когда рѣчь идетъ о помилованiи русскихъ политическихъ преступниковъ, и совсѣмъ не требуетъ, чтобы проситель предварительно издавалъ бульварный листокъ въ Парижѣ. Для него „Россiя" и „Свобода" и безъ того синонимы.

Да не взыщетъ читатель, что я часто останавливаюсь на этомъ политическомъ скоморохѣ, Алексинскомъ. Онъ для меня — соцiальный типъ, нарицательная личность, символизирующая цѣлую плеяду „героевъ" русской революцiи. Самъ по себѣ, какъ таковой, онъ, конечно, не стоилъ бы даже того, чтобы о немъ упоминали.

Дѣло въ томъ, что ни одна другая революцiя, кромѣ русской, не породила такого колоссальнаго количества безсодержательнѣйшихъ уличныхъ крикуновъ, нахальныхъ фразеровъ и идейныхъ ренегатовъ. Вспомните только Гапона, Азефа, Хрусталева, Бурцева и многихъ другихъ „бывшихъ людей", хотя и провалившихся по различному, прибавьте къ нимъ идейныхъ ренегатовъ типа Плеханова, Алексинскаго, Дейча, Авксентьева и остальныхъ авторовъ недавно изданнаго соцiалъ-патрiотическаго „манифеста", цѣликомъ направленнаго противъ борющихся съ русскимъ правительствомъ революцiонныхъ рабочихъ и призывающаго ихъ къ сотрудничеству съ правительствомъ подъ лозунгомъ „бей нѣмца!"—и вы увидите, что мы живемъ въ такой душной атмосферѣ политической лжи, идейнаго раболѣпства и растлѣвающей смердяковщины, что положительно иногда не знаешь, куда бѣжать отъ распространяемой нашими современными „бывшими людьми" самодержавнѣйшей вони...

Но объ этомъ — въ другой разъ. Вернемся къ политической побѣдѣ Вильгельма въ области русской внутренней политики, — къ уничтоженiю черты еврейской осѣдлости. „Новое Время" такъ сообщаетъ объ этомъ въ оффицiальномъ отчетѣ (9-22 Авг. с. г.):

> При обсужденiи возбужденнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ во время самаго засѣданiя вопроса объ урегулированiи положенiя Евреевъ-бѣженцевъ и эвакуированныхъ, для преподанiя соотвѣтственныхъ инструкцiй мѣстнымъ властямъ, *Совѣтъ Министровъ прежде всего принялъ во вниманiе, что, помимо всякихъ соображенiй, въ данномъ дѣлѣ приходится считаться съ совершившимся фактомъ выселенiя Евреевъ изъ черты осѣдлости, куда, конечно, ихъ обратно возвратить нельзя, какъ того требуетъ законъ.* Первоначально, когда число выселявшихся изъ Западнаго и Сѣверо-Западнаго краевъ Евреевъ было незначительно, имъ было разрѣшено селиться временно въ Воронежской, Пензенской и Тамбовской губернiяхъ. Съ развитiемъ же военныхъ дѣйствiй, число выселявшихся Евреевъ постепенно и сильно увеличивалось, вслѣдствiе чего, конечно, *невозможно было всѣхъ ихъ размѣстить въ этихъ губернiяхъ*, тѣмъ болѣе, что *сами бѣженцы направлялись въ разныя мѣста и осѣдали тамъ.* Такимъ образомъ, *считаясь съ совершившимся фактомъ*, Совѣтъ Министровъ, для облегченiя положенiя указанной группы населенiя и полагалъ, что *на время военныхъ дѣйствiй ей можно предоставить селиться въ городахъ внѣ черты осѣдлости*, за исключенiемъ обѣихъ столицъ, Царскаго Села и Ялты.

„Приходится считаться съ совершившимся фактомъ"... Такъ извиняется русское правительство передъ Марковыми и Пуришкевичами за невольное распространенiе черты осѣдлости на всю Россiю, за исключенiемъ обѣихъ столицъ, Царскаго Села и Ялты.

Но правительство не только извиняется, оно въ то-же время и утѣшаетъ: вотъ, погодите немного, выгонимъ нѣмцевъ, тогда опять примемся за инородцевъ, опять водворимъ евреевъ обратно въ черту, „какъ того требуетъ законъ". Вотъ что говорится далѣе въ вышеприведенномъ отчетѣ „Новаго Времени" о засѣданiи Совѣта Министровъ:

> Для мѣстныхъ властей вопросъ объ отношенiи къ переселившимся въ подвѣдомственные имъ районы Евреямъ изъ черты осѣдлости будетъ разрѣшенъ въ порядкѣ изданiя особаго разъяснительнаго циркуляра. *Никакихъ законодательныхъ актовъ по данному вопросу со стороны Совѣта Министровъ не послѣдуетъ*, такъ какъ ни съ какими представленiями по этому поводу въ законодательныя учрежденiя входить пока не предполагается, а въ порядкѣ ст. 87 осн. гос. зак. такiе акты въ настоящее время не могутъ быть осуществлены. Какъ можетъ быть урегулировано положенiе этихъ бѣженцевъ впослѣдствiи,—это вопросъ будущаго.

„Никакихъ законодательныхъ актовъ по данному вопросу не послѣдуетъ"... Это до цинизма откровенное признанiе прямо говоритъ, что расширенiе черты — лишь вынужденная временная мѣра и что она узаконена не будетъ. Царская реакцiя превосходно знаетъ, что по окончанiи войны Вильгельмъ съ Николаемъ прекрасно помирятся и сообща будутъ праздновать реакцiонную тризну на братскихъ могилахъ своихъ „вѣрноподданныхъ". Одинъ будетъ расправляться въ Эльзасѣ и Бельгiи, другой—въ Польшѣ, Финляндiи, Литвѣ и на Кавказѣ. И всюду все опять пойдетъ, какъ раньше,—„какъ того требуетъ законъ". Только политическiе слѣпцы или глубокiе пессимисты революцiоннаго движенiя, вродѣ Ленина, разочаровавшiеся въ возможности революцiи собственными силами народнаго духа, могутъ ждать освобожденiя Россiи въ результатѣ „пораженiя". Нѣтъ, свобода теперь придетъ, но придетъ она ни „отъ побѣды" ни „отъ пораженiя", а въ результатѣ *повсемѣстнаго* могучаго народнаго возстанiя, направленнаго одновременно противъ *всѣхъ* правительствъ, побѣдившихъ какъ и побѣжденныхъ. И это будетъ скоро.

Ну, а пока? Пока—смутное время, пиръ въ станѣ хищниковъ. Пока слово за вами, господа Плехановы, Алексинскiе и всѣ прочiе соцiалъ-капралы, которымъ „съ точки зрѣнiя пролетарiата" нужна „побѣда Россiи". Вооружайтесь маузерами, винтовками, идите въ траншеи, припадайте къ стопамъ и помогайте черному правительству Николая II изгнать изъ „земли русской" дикiя орды не менѣе чернаго Вильгельма, чтобы потомъ лакействующiе Марковы и Пуришкевичи могли „водворить на мѣсто жительства" евреевъ и прочихъ инородцевъ, „какъ того требуетъ законъ". И какъ еще могутъ найтись простаки, сомнѣвающiеся въ томъ, что вы, призывая къ помощи русскому правительству, дѣйствуете именно... „въ интересахъ рабочаго класса"!

II. Мимоходомъ.

Извѣщенная парижскими товарищами о недоставленiи имъ № 2 „Рабочаго Знамени", Редакцiя „Р. З." сдѣлала оффицiальный запросъ въ почтовомъ отдѣленiи, откуда была совершена отправка, и на дняхъ получила слѣдующiй оффицiальный отвѣтъ:

> „№ 267. Швейцарское Почтовое Управленiе.
> Администрацiя французскихъ почтъ извѣщаетъ насъ, что два экспрессныхъ заказныхъ пакета за №№ 738 и 739, отправленныхъ Вами изъ ... 30 апрѣля 1915 г. въ Парижъ на имя г-на ..., по поводу которыхъ вы сдѣлали намъ запросъ, содержали печатныя произведенiя на русскомъ языкѣ, *запрещенныя во Францiи*. Они были конфискованы надлежащими властями. Съ совершеннымъ почтенiемъ — Почтовое отдѣленiе въ ..." (Подпись).

Къ этому слѣдуетъ добавить, что письма, адресованныя въ Англiю и во Францiю, какъ уже сообщалось объ этомъ въ № 3 „Р. З.", также сплошь и рядомъ не доходятъ по назначенiю, равно какъ и многiя письма, адресованныя изъ этихъ странъ намъ. Больше того, даже нѣкоторыя письма *изъ Америки* въ послѣднее время доставляются въ „Р. З." съ краснорѣчивой помѣткой „вскрыто военной цензурой".

О рукописяхъ и говорить нечего, — большинство ихъ, будучи отправлены изъ воюющихъ странъ, пропадаютъ въ дорогѣ. Одинъ товарищъ, наведшiй справку объ участи своей пропавшей, отправленной имъ *изъ Лондона*, рукописи, получилъ слѣдующiй, тоже оффицiальный, отвѣтъ.

> „Лондонъ. Главный почтамтъ.
> Въ отвѣтъ на Вашъ запросъ отъ 7 марта относительно заказного письма за № 78, отправленнаго Вами въ Швейцарiю на имя г-на ..., я уполномоченъ сообщить Вамъ, что упомянутое письмо было *задержано военной цензурой.*
> Вашъ покорный слуга (подпись)".

Одинъ товарищъ, недавно пославшiй въ Парижъ даже не рукопись, а совершенно невинное, но длинное частное письмо о семейныхъ дѣлахъ, на дняхъ получилъ его обратно съ помѣткой: „Retour à l'envoyeur. Correspondance trop volumineuse". Тутъ дѣло совершенно явно касалось уже не содержанiя, къ которому нельзя было придраться, а автора.

Пусть наши идеологи волонтерства, подхватившiе несчастный лозунгъ „отливайте пушки и везите ихъ на позицiи!" на этихъ „осуществленiяхъ" свободы слова въ Англiи и Францiи провѣрятъ цѣнность „неосуществленныхъ идей" и „славнаго наслѣдiя прошлаго", во имя которыхъ они вручили военные доспѣхи отправившимся на фронтъ русскимъ волонтерамъ. А *анархисты-волонтеры* пусть знаютъ, что, защищая современную Францiю и Англiю, они тѣмъ-самымъ *способствуютъ* примѣненiю этими государствами репрессивныхъ мѣръ въ отношенiи анархической печати, ибо защищаютъ они съ оружiемъ въ рукахъ не только опредѣленныя абстрактныя формы государственности, а и вполнѣ конкретные методы управленiя, практикуемые всѣми безъ различiя государствами въ данное время.

И пусть не говорятъ намъ, что слова наши — *жестоки*, а посмотрятъ лучше на свои *дѣйствiя*. Проколоть штыкомъ нѣмецкаго рабочаго или послать ему пулю въ лобъ—значительно болѣе жестоко, чѣмъ называть вещи ихъ настоящими именами.

Оводъ.

Что дѣлать?

Никогда еще до сихъ поръ этотъ вопросъ не выдѣлялся такъ ясно и рѣзко на фонѣ общественной жизни, какъ теперь. И именно теперь, когда народы такъ пошло обмануты не только своимъ вѣчнымъ врагомъ, буржуазiей, а и своими мнимыми соцiалистическими друзьями—наставниками, легче всего обнаружить передъ ними, во всемъ ея отвратительномъ видѣ, ту ложь, которую вѣками старательно прививали къ ихъ сознанiю.

Люди въ своей мѣщанской повседневной жизни никогда не располагаютъ къ себѣ, не вызываютъ ни особеннаго уваженiя, ни любви. Властвующiй, какъ и подвластный, не могутъ быть любимы или уважаемы: первый—за его несправедливое отношенiе къ своему ближнему, за его звѣрское стремленiе жить за счетъ другого; второй—за его рабскую терпѣливость, за отсутствiе въ немъ живого, тонкаго чувства отвращенiя ко лжи и несправедливости. Теперь же, на основанiи происходящихъ событiй, легко повлiять на сознанiе людей, просвѣтить его, разбудить дремлющiя чувства, пробудить въ нихъ безповоротное желанiе къ новой истинной и свѣтлой жизни.

Я закончилъ свой трудовой день и, усталый, прилегъ отдохнуть. По обыкновенiю, пробѣгаю газету и, по обыкновенiю, въ глазахъ мелькаютъ громадныя цифры убитыхъ и раненыхъ. Объ оставшихся вдовахъ и сиротахъ, конечно, ничего тамъ не говорится. Кому до нихъ какое дѣло?...

Со злобой отбрасываю газету. Неотвязная мысль „что дѣлать"? опять сверлитъ мозгъ... Не знаю, заснулъ-ли я или бредилъ, но ясно, точно на яву, передо мной открылась слѣдующая картина.

Безконечное мiровое пространство усѣяно воюющими людьми всѣхъ племенъ. Солдаты, офицеры, священники, орудiя,—все это, точно въ муравейникѣ, спѣшитъ и шумитъ. Нервное, лихорадочное приготовленiе къ бою.

И я подумалъ съ удивленiемъ: вотъ люди, которые идутъ на безсмысленное, ничѣмъ не оправдываемое убiйство; почему эти же самые люди не проявили такой смѣлости, увѣренности и стойкости для борьбы за возстановленiе своихъ ограбленныхъ правъ, для защиты своихъ собственныхъ интересовъ?

Я началъ ближе присматриваться къ дѣйствующимъ лицамъ этого ада и увидѣлъ, что каждый изъ нихъ снабженъ надписью, поясняющей его роль. На спинѣ у каждаго солдата крупными буквами значилось: *тупая безсознательность!* На груди офицеровъ значительныхъ и незначительныхъ ранговъ висѣла залитая кровью и грязью надпись: *ненасытная алчность!* На устахъ священниковъ, стоявшихъ съ иконами въ рукахъ и раздѣлявшихъ благословенiя на пораженiе враговъ, были начертаны слова: *ложь и глупость!*

Тяжелое чувство негодованiя и возмущенiя возбудилъ во мнѣ одинъ отрядъ, состоявшiй изъ волонтеровъ: я узналъ въ немъ многихъ вожаковъ соцiальдемократической международной партiи, горячiя рѣчи которыхъ о гибельной роли милитаризма я не разъ слышалъ на рабочихъ митингахъ.

Я былъ такъ пораженъ тѣмъ, что видѣлъ, что только черезъ нѣкоторое время замѣтилъ широкiе потоки теплой, сгустившейся человѣческой крови, по которымъ шла моя нога. Холодный ужасъ объялъ меня. Я хотѣлъ бѣжать, но некуда, — кругомъ только кровь и трупы и мечущiеся въ предсмертной судорогѣ умирающiе. Невдалекѣ отъ меня разыгрывалась отвратительная сцена.

Два солдата изъ враждебныхъ лагерей, недобитые штыками, ползая и извиваясь по землѣ вцѣпились другъ въ друга. Одинъ глубоко вонзилъ свои зубы въ мякоть руки своего врага, другой, въ свою очередь, всей длиной своихъ пальцевъ залѣзъ ему въ глаза, стараясь вырвать ихъ. Въ такомъ положенiи оба испустили духъ. Съ ужасомъ вглядѣлся я въ ихъ лица и узналъ ихъ: это были двое рабочихъ, вмѣстѣ, за однимъ верстакомъ работавшiе много лѣтъ, безстыдно эксплуатировавшiеся однимъ и тѣмъ-же хозяиномъ.

Злость на человѣческую глупость и безудержная ненависть ко всѣмъ и ко всему охватили меня. Безнадежно я началъ озираться вокругъ и вдругъ увидѣлъ на самой серединѣ громаднаго пространства, охваченнаго военнымъ безумiемъ, посреди всѣхъ армiй, точно изъ подъ земли выросшую маленькую группку людей. На нихъ было разорванное, висѣвшее клочьями платье, у нѣкоторыхъ сочилась кровь изъ ранъ, весь ихъ видъ свидѣтельствовалъ о борьбѣ и громадныхъ трудностяхъ, которыя имъ пришлось перенести, чтобы добраться до этого мѣста. На лбу у каждаго изъ нихъ, немного выше глазъ, была не написанная, а точно выжженная, свѣтящаяся надпись: *Сверхчеловѣкъ.*

Одинъ изъ этой группы, высокiй, немного согбенный, съ неправильнымъ, но удивительно свѣтлымъ, рѣшительнымъ лицомъ, выступилъ впередъ. Громовымъ голосомъ, который, какъ мнѣ казалось, пронесся надъ всѣми армiями, надъ всѣмъ мiромъ, онъ обратился къ несмѣтнымъ полчищамъ, окружавшимъ его:

— Товарищи!

Остановитесь, вдумайтесь въ то, что вы дѣлаете! Вы убиваете своихъ собственныхъ товарищей — рабочихъ, раздѣляющихъ съ вами одну и ту же рабскую жизнь, полную ограниченiй, вѣчнаго труда и тяжелыхъ лишенiй. И вы дѣлаете это по приказу вашего общаго и единственнаго врага — правительствъ и буржуазiи.

— Откажитесь убивать другъ друга! Опустите оружiе свое къ ногѣ, но не выпускайте его изъ рукъ! Держите его крѣпко, но не для убiйства своихъ же товарищей, а для защиты вашихъ общихъ интересовъ, чтобы пробить себѣ и всему человѣчеству дорогу къ честной, свободной и счастливой жизни!

Жестомъ руки онъ указалъ на сбившихся въ кучу, поблѣднѣвшихъ и растерявшихся офицеровъ:

— Скажите этимъ господамъ, что вы, наконецъ, прозрѣли, что вы поняли, къ чему они стремятся, чему васъ учили и куда ведутъ. Скажите имъ, что къ той жизни, построенной на лжи, ненависти, грабежѣ и убiйствѣ обездоленныхъ, вы больше не возвратитесь! Дайте имъ двѣ дороги: либо пусть заберутъ поскорѣе всю свою отжившую рухлядь — деньги, хоругви, знамена и толстыя книги законовъ — и отправляются куда угодно, чтобы никогда больше не попадаться вамъ на глаза, либо пусть одѣнутъ рабочiя блузы и вмѣстѣ съ нами пойдутъ строить новую жизнь, гдѣ трудъ и счастье будутъ одинаковымъ удѣломъ всѣхъ, гдѣ не будетъ ни слезъ, ни крови, ни рабства, ни ненависти, ни злобы, а будетъ только свобода! ...

. . . .

Я проснулся, недоумѣвающе посмотрѣлъ вокругъ... Рядомъ, на полу, лежала брошенная мною газета и крупныя строки „La situation des armées russes" поглядывали на меня съ затаенной насмѣшкой.

Съ яростью я отшвырнулъ ногой газету въ уголъ, схватился за голову и вскочилъ. Я узналъ, *что дѣлать*.

Рабочiй.

АРЕСТЫ АНАРХИСТОВЪ.

1.

Въ ссылкѣ Иркутской губ. произведены аресты анархистовъ-коммунистовъ. *Арестовано свыше 30 человѣкъ.* Они уже 8 мѣсяц. сидятъ подъ слѣдствiемъ. Обвиняются въ созывѣ Съѣзда а-к въ Иркутской губ. и въ выпускѣ Манифеста къ населенiю противъ войны.

2.

По сообщенiямъ швейцарскихъ газетъ отъ 22—23 сентября, въ Женевѣ арестованъ французскiй анархистъ *Луи Морель*. Отбывъ 20 лѣтъ каторжнаго тюремнаго заключенiя, къ которому онъ былъ приговоренъ въ 1888 г. швейцарскимъ „правосудiемъ", онъ отправился въ Бельгiю, гдѣ опять былъ арестованъ. Изъ Бельгiи ему удалось бѣжать во Францiю. Вернувшись недавно въ Швейцарiю, онъ теперь вновь арестованъ по обвиненiю въ нѣсколькихъ покушенiяхъ при помощи бомбъ во Францiи.

3.

Хваленая швейцарская демократическая республика, тоже гордящаяся своими славными традицiями и конституцiонными гарантiями, вновь совершила позорный подвигъ. Ею выданъ Германiи извѣстный нѣмецкiй товарищъ *Павелъ Шрейеръ*.

Первоначально Шрейеръ былъ арестованъ въ началѣ августа по требованiю германскаго правительства, по фиктивному обвиненiю въ какомъ то преступленiи противъ нравственности. Но послѣ тщательнаго разслѣдованiя, произведеннаго швейцарскими властями, выяснилось, что это обвиненiе ложно, и Шрейеръ былъ освобожденъ. Однако, тутъ же швейцарскiя власти вручили ему постановленiе объ изгнанiи его изъ Швейцарiи за анархическую пропаганду.

Товарищъ Шрейеръ заявилъ, что, будучи дезертиромъ, онъ требуетъ быть доставленнымъ не на нѣмецкую, а на французскую границу, такъ какъ предпочитаетъ быть военно-плѣннымъ во Францiи, чѣмъ выданнымъ въ распоряженiе германскихъ военныхъ властей.

Федеральный Совѣтъ вначалѣ согласился на требованiе т. Шрейера и распорядился переправить его изъ Арау въ Женеву. Но женевское правительство отказалось высадить его на французской территорiи подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ онъ могъ бы быть принятъ за нѣмецкаго шпiона и разстрѣлянъ. Тогда его отправили, безъ дальнихъ разговоровъ, обратно въ Арау, а оттуда въ Базель, и выдали Германiи.

Нѣмецкое военное начальство заключило т. Шрейера въ военную тюрьму въ Леррахѣ. На дняхъ его судили и приговорили къ 5 годамъ тюремнаго заключенiя.

Товарищъ Шрейеръ сдѣлался жертвою раболѣпства швейцарской демократiи, никогда не упускающей случая прислужиться къ могущественной сосѣдней монархiи.

свои протесты бумажными резолюціями,— незамѣтный инструкторъ иностранныхъ языковъ въ К..нельскомъ университетѣ, Mister Holt, одинъ лишь понялъ, что бумажныя резолюціи дѣлу не помогутъ.

И поднявъ это, онъ пошелъ на дѣло. Онъ пошелъ протестовать и, протеста ради, подложилъ адскую машину въ Сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, протеста ради, онъ, какъ говорятъ, подложилъ динамитъ на пароходѣ „Minnehana", который отвозилъ массу снарядовъ и амуниціи для союзниковъ; протеста ради онъ покушался на Моргана.

Сенатъ остался невреднимъ, пароходъ посреди океана былъ охваченъ пламенемъ, Морганъ отдѣлался нѣсколькими ранами и испугомъ. Ни одинъ изъ протестовъ Гольта не былъ полностью осуществленъ. Но кто знаетъ, что могло бы произойти, если бы эти протесты были доведены до конца.

Все же нельзя отрицать, что, хотя и неудачный, актъ Гольта заставилъ призадуматься многихъ изъ тѣхъ, которые чувствуютъ свою виновность въ войнѣ. Такъ, стража вокругъ дома Моргана удвоена, президентъ Вильсонъ также удвоилъ свою секретную стражу. Въ связи съ этимъ же покушеніемъ значительно усилена стража, охраняющая имѣніе Джона Д. Рокфеллера. Имъ приняты чрезвычайныя мѣры и никто, за исключеніемъ служащихъ Рокфеллера, не можетъ проникнуть въ имѣніе. Передаютъ, что милліардеръ такъ напуганъ покушеніемъ, что отложилъ поѣздку въ Кливлэндъ, къ которой совсѣмъ было подготовился. Въ лѣтнемъ же его имѣніи „Forest Hill" принимаются чрезвычайныя мѣры предосторожности на случай его пріѣзда. Отобраны билеты, выданные лицамъ, получившимъ разрѣшеніе посѣтить и осмотрѣть Forest Hill. Вдоль всей верхней части стѣны и забора, окружающихъ имѣніе, проведена колючая проволока. Такимъ образомъ лѣтняя резиденція Рокфеллера превращена въ „неприступную крѣпость". Недавно пріѣхавшій къ Моргану на пароходѣ „St Louis" изъ Англіи чиновникъ по особо важному порученію отъ англійскаго правительства, отправился въ контору милліардера, охраняемый многочисленной частной стражей.

Вспоминая всѣ треволненія въ лагерѣ людей, способствующихъ европейской войнѣ, вызванныя неудачнымъ актомъ Гольта, невольно задаешь вопросъ: „Что было бы, если-бъ Гольту удалось привести въ полное исполненіе свой протестъ? Что было бы, если бы къ индивидуальному протесту Гольта присоединились рабочія массы?... Гольта окрестили „безумцемъ"! Всѣ газеты, вплоть до нѣкоторыхъ рабочихъ, не перестаютъ кричать о его безуміи. Но въ актѣ Гольта нѣтъ ничего безумнаго, ничего непормальнаго.

Его актъ — это возмущеніе человѣка противъ истребленія людей людьми.

Его актъ — это протестъ противъ короля долларовъ, помогающаго европейскимъ „власть и капиталъ имущимъ" продолжать войну!

Его актъ — это красиво-смѣлый, геройскій протестъ!

Рабочіе должны призадуматься надъ актомъ Гольта, должны понять, почему Морганамъ выгодно продолженіе войны; они должны, наконецъ, выступить съ *массовымъ* протестомъ, подобнымъ тому, къ которому прибѣгъ „безумецъ нашего времени" — энергичный и смѣлый Гольтъ.

II. Заинтересованъ ли американскій капиталъ въ продолженіи войны?

Въ № 28 „Голоса Труда" я, въ замѣткѣ „Нейтралитетъ Америки", привелъ таблицу вывезенныхъ изъ Америки разныхъ припасовъ для ведонія войны. По той таблицѣ было видно, что за 6 мѣсяцевъ странами, вовлеченными въ чуть-ли не всемірную войну, было дано Америкѣ заказовъ на сумму, превышающую 400.000.000 долларовъ. Вотъ эта таблица:

Предметы:	Сумма заказовъ въ долларахъ:
Ружья, аммуниція и взрывч. вещества.	107.000.000
Сталь и желѣзо	66.000.000
Одежда и бѣлье	32.000.000
Химическія, медиц. и госпит. прип.	6.250.000
Автомобили	22.000.000
Продукты изъ кожи	18.000.000
Мясо, сахаръ, мука и пр.	161.000.000

Теперь, конечно, къ этой далеко не полной таблицѣ можно было бы прибавить много новыхъ цифровыхъ данныхъ, но и тогда еще получится не совсѣмъ точное впечатлѣніе относительно того, насколько заинтересованы американскіе капиталисты въ продолженіи европейскаго безумія.

Передо мною вырѣзки изъ газетъ „Times" и „World" отъ 8-го и 9-го іюля; буду приводить цифры, даваемыя прессой въ эти дни.

Изъ сравнительныхъ цифръ видно, что въ маѣ 1914 г. изъ Америки было вывезено 27.775.000 фун. проволоки; въ маѣ же *текущаго* года — 83.500.000 фунтовъ.

Въ апрѣлѣ 1914 г. было вывезено 250.000 лошадиныхъ подковъ; въ апрѣлѣ 1915 г. ихъ было уже вывезено 4.000.000 штукъ.

За 11 мѣсяцевъ, іюль 1913 — май 1914 г., было вывезено 98.000.000 фун. проволочныхъ прутьевъ; за этотъ же періодъ времени 1914-1915 г. было вывезено 180.000.000 фунт. Прутья другого качества были вывезены въ маѣ 1914 г. въ количествѣ 22.750.000 фунт., въ маѣ же этого года вывозъ ихъ достигъ колоссальной цифры въ 83.500.000 фунт. Когда мы узнаемъ, что эти прутья необходимы для приготовленія шрапнели, то станетъ понятна причина грандіознаго увеличенія въ вывозѣ ихъ.

Машинъ, посредствомъ которыхъ приготовляютъ гранаты, было вывезено въ маѣ 1914 г. на сумму 1·235.000 долл., въ маѣ же 1915 г. вывозъ ихъ достигъ суммы въ 3.762.000 долл.

За 11 мѣсяцевъ, закончившихся маемъ 1914 г., изъ Соед. Штатовъ было вывезено въ Европу сѣделъ и сбруй на 16.000 долл.; за тѣ же 11 мѣсяцевъ, закончившихся маемъ 1915 г., ихъ было уже вывезено на 722.000 долл.

Соед. Штаты въ маѣ 1914 г. отправили въ Европу 1.423.000 фунт. сыра. Въ маѣ *текущаго* года тотъ же сыръ былъ отправленъ въ количествѣ 12.068.000 фунтовъ!

Май 1914 г. далъ Европѣ всего 1.300 головъ американскихъ лошадей; теперь же въ европейской войнѣ лягутъ 33.500 американскихъ лошадей, вывезенныхъ только въ маѣ 1915 года.

Европейскія государства пользуются не только лошадьми, но и мулами. Въ маѣ прошлаго года ихъ было вывезено 273; но въ маѣ настоящаго года — 13.600

Приведу теперь свѣдѣнія о европейскихъ заказахъ въ Америкѣ, опубликованныхъ въ вышеуказанныхъ газетахъ 8-го и 9-го іюля.

Италія поручила фирмѣ Дунлай и К° въ Bartlesbille доставить 25.000 лошадей.

Правительство *кроваваго царя* заключило контрактъ на изготовленіе пороха съ Du Pont Powder Company въ Wilington, Del. на 60.000.000 долл. Порохъ продается въ настоящее время по доллару за фунтъ; такимъ образомъ, кровавый царь получитъ шестьдесятъ милліоновъ фунтовъ пороха. Будетъ ли весь этотъ порохъ употребленъ на уничтоженіе „внѣшняго врага", или же кровавый царь оставитъ часть его для подавленія приближающейся революціи?

Заводы по изготовленію зубцовой проволоки въ районѣ Питсбурга завалены заказами. Предприниматели не въ состояніи выполнить заказъ, въ общей сложности превышающій 1.000.000 дол. Заводы питсбургскаго района работаютъ полнымъ ходомъ; предприниматели расширяютъ свои заводы, набираютъ новыхъ людей.

American Car and Foundry Company получила заказъ отъ русскаго правительства на 4.100 вагоновъ. Вагоны изготовляются на заводахъ въ Бервикѣ, Детройтѣ и Мэдисонѣ.

Приведу еще нѣкоторыя цифры и этимъ закончу замѣтку.

За мартъ 1915 г. черезъ нью-іоркскій портъ было отправлено въ Европу военныхъ матеріаловъ на 10.287.000 долл. Тогда еще только начался экспортъ аммуниціи и пушекъ въ Европу. До 1-го апрѣля, по мнѣнію журналчика „The Vital Issue" (№ 26, 26-го іюня 1915 г.), было вывезено взрывчатыхъ веществъ на сумму, не превышающую 30.000.000 долл. Только лишь въ началѣ апрѣля, — замѣчаетъ журналчикъ, — начали поступать заказы. 16-го апрѣля Секретарь Коммерціи съ радостью сообщилъ, что Westinghouse Air Brake C° заключила контрактъ съ французскимъ правительствомъ на снаряды; сумма заказа — 20.000.000 дол. Секретарь также сообщилъ, что „союзники" закупили у Hercules Powder C° весь имѣющійся у нея на складѣ порохъ; закупка равнялась 20.000.000 долл.

Въ настоящее время въ нью-іоркскомъ порту имѣются слѣдующіе пароходы: „City of Chikago", „Lord Erne", „Massurian", „Venecie", „Virginie", „Paskal", „Lapland", и „Toronto". Они принадлежатъ англійскому и французскому правительствамъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже готовы къ отходу, другіе нагружаются. Всѣ они везутъ въ Европу автомобили, амуницію, лошадей, пушки, порохъ, съѣстные припасы и всевозможные продукты для войны (New York Times).

Пароходъ „Adriatic", о которомъ только что пришло извѣстіе, что онъ благополучно прошелъ военную зону и остановился въ Ливерпулѣ, имѣлъ на борту слѣдующій грузъ:

2000 автомобилей и телѣгъ,
1995 ящиковъ пуль,
1337 ящиковъ метательныхъ снарядовъ,
182 ящика ружей,
6 ящиковъ револьверовъ,
30 пушечныхъ гранатъ.

Пароходъ „Minnehaha", который возлѣ Галифакса былъ охваченъ огнемъ, — какъ подозрѣваютъ, вслѣдствіе подложеннаго Гольтомъ динамита, имѣлъ на борту:

2800 ящ. заряженныхъ шрапнелью гранатъ,
1723 пулемета,
1400 ящ. „trinitrotoluol" (это вещество обладаетъ очень сильнымъ взрывчатымъ свойствомъ),
54 ящ. ружей,
826 ящ. метательныхъ снарядовъ,
4 ящ. огнестрѣльнаго оружія,
3001 металлическихъ досокъ,
886 ящ. и пачекъ бронзовой проволоки,
432 моторныхъ телѣгъ,
1 моторный амбулансъ,
230 лошадей,
18 ящ. автомобильныхъ частей,
100 ящ. магнита,
80 пачекъ мѣдной проволоки,
84 цинковыхъ досокъ,
10 пушекъ.

Приведенныхъ цифръ совершенно достаточно для выясненія вопроса, поставленнаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки: „Заинтересованъ ли американскій капиталъ въ продолженіи войны?"

III. Американцы и миръ.

Недавно помѣщенное въ берлинскомъ Vorwärts'ѣ воззваніе о мирѣ встрѣчено видными американскими соціалистами Бенсономъ и Хилквитомъ съ необыкновенной радостью и признается ими, какъ „подающій надежды" документъ. Новоиспеченный конгрессменъ, соціалистъ Мейеръ Лондонъ, въ бесѣдѣ съ репортеромъ „Sun" сказалъ: „Я надѣюсь, что воззваніе нѣмецкихъ соціальдемократовъ будетъ привѣтственно встрѣчено соціалистами другихъ воюющихъ странъ. Я ожидаю, что соціалисты нейтральныхъ странъ укажутъ соціалистамъ Бельгіи, Франціи и Англіи на необходимость прислушаться къ воззванію нѣмецкихъ товарищей. Никакой территоріальной аннексіи, никакихъ покореній маленькихъ національностей и пріостановленіе войны на базисѣ, способномъ обезпечить продолжительный миръ, — вотъ новый лозунгъ мірового соціалистическаго движенія".

Нессимистически смотритъ на воззваніе ежедневная соціалистическая газета „The New-York Call". Въ редакціонныхъ статьяхъ она пишетъ: „Еще преждевременно утверждать, что соціалисты

СТРАНИЦЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ВСЕОБЩЕЙ СТАЧКИ.

Мою статью въ № 3 номерѣ „Рабочаго Знамени" я закончилъ утвержденіемъ, что соціальдемократія своими „разъясненіями" постоянно старалась извратить соціально-революціонную сущность всеобщей стачки. Маленькая историческая справка поможетъ намъ прочно обосновать это положеніе.

Въ резолюціи Цюрихскаго международнаго соціальдемократическаго съѣзда говорится:

„Полагая, что успѣшное веденіе стачекъ возможно только при особыхъ обстоятельствахъ и съ особой цѣлью, которыя не могутъ быть опредѣлены заранѣе;

„Что *всемірная стачка*[1]) неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разныхъ странъ, но лишь только она станетъ возможной, какъ исчезнетъ въ ней надобность; полагая сверхъ того, что всеобщая стачка даже въ предѣлахъ одной страны не можетъ дать результатовъ, если она ведется мирно, потому что первыми отъ голода будутъ страдать стачечники и будутъ вынуждены къ сдачѣ, а стачка, сопровождаемая насиліями, была бы безжалостно раздавлена господствующими классами;

„Конгрессъ постановляетъ: ....."

Какой выводъ должны мы сдѣлать изъ этой безтолковщины, устанавливающей, что вслѣдствіе различной степени экономическаго развитія въ разныхъ странахъ всеобщая стачка неудобоисполнима, а когда она станетъ возможной, т. е. удобоисполнимой, то тогда она уже больше не нужна? Поразительная „научная" логика!

Съѣздъ, однако же, этой безтолочью не смутился и сдѣлалъ изъ нея слѣдующіе выводы:

„При современныхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ *всеобщая стачка* съ успѣхомъ можетъ быть ведена самое большее въ отдѣльной отрасли промышленности; массовыя стачки могутъ, правда, при извѣстныхъ условіяхъ оказаться очень сильнымъ орудіемъ не только въ *экономической борьбѣ*, но и въ *борьбѣ политической*. Впрочемъ, для цѣлесообразнаго пользованія этимъ орудіемъ требуется могучая *синдикальная* и *политическая организація* рабочаго класса.

„Поэтому конгрессъ рекомендуетъ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ энергично работать надъ созданіемъ такой организаціи, и черезъ вопросъ о всемірной стачкѣ переходитъ къ порядку дня."

Страшное впечатлѣніе производитъ эта резолюція. Въ первой части ея говорится, что всеобщая стачка осуждена на неудачу независимо отъ того, протекаетъ ли она мирно или сопровождается насиліемъ. И потому казалось бы, что разъ всеобщая стачка можетъ терпѣть лишь одну неудачи, ее слѣдовало категорически осудить вслѣдствіе ея безсилія. Но авторы резолюціи не хотятъ сказать ни да ни нѣтъ и ищутъ такую формулу, которая дала бы имъ возможность вертѣться въ кругу логическихъ противорѣчій. Это — ихъ стихія. Стоитъ, напримѣръ, всеобщую стачку назвать *массовой*, и она магически превращается въ сильное орудіе, однако это сильное орудіе все-таки не удостаивается обсужденія по существу, а „черезъ него переходятъ къ порядку дня", потому что для цѣлесообразнаго пользованія имъ нужна сильная синдикальная и политическая организація рабочаго класса. Тогда только всеобщая стачка становится удобоисполнимой. Но весь фокусъ въ томъ, что какъ только она становится удобоисполнимой, въ ней исчезаетъ надобность... И такъ далѣе въ томъ же духѣ.

На Лондонскомъ международномъ съѣздѣ 1896 года всеобщая стачка встрѣчаетъ такой же „дружескій" пріемъ. Резолюція, внесенная въ пользу всеобщей стачки меньшинствомъ комиссіи, была отвергнута громаднымъ большинствомъ. А слѣдующій, Парижскій международный конгрессъ 1900 года, сославшись на резолюціи предыдущихъ съѣздовъ, присовокупилъ:

„Конгрессъ придерживается мнѣнія, что *стачка и бойкотъ* являются необходимыми средствами для осуществленія задачъ рабочаго класса, но при дѣйствующихъ условіяхъ онъ не видитъ возможности международной всеобщей стачки.

„То, что немедленно необходимо, это — синдикальная организація рабочихъ массъ, потому что отъ обширности организаціи зависитъ обширность стачекъ въ цѣлыхъ отрасляхъ промышленности или въ цѣлыхъ странахъ".

Но мы знаемъ, что „обширность организаціи" никогда не достигала нужной съ точки зрѣнія соціальдемократіи величины, ибо чѣмъ больше организація становилась обширной, тѣмъ больше росла „организаціонная жадность", тѣмъ сильнѣе соціальдемократы стремились къ еще и еще большей „обширности". Предоставленная такимъ перспективамъ, всеобщая стачка никогда не могла бы стать практическимъ вопросомъ.

* * *

Со времени Амстердамскаго конгресса (1904 г.) соціальдемократическій міръ, съ точки зрѣнія его отношенія къ всеобщей стачкѣ, раздѣлился на слѣдующія группы:

1) *Сторонники всеобщей стачки.* Во Франціи сторонниками всеобщей стачки были неомарксисты, Эрве со своими послѣдователями и обломки Рабочей Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ (аллемаписты). Я говорю „обломки", потому что эта партія, какъ таковая, давно перестала существовать, а основатель ея, Алльеманъ, теперь ведетъ большую дружбу съ Бахусомъ, нежели съ рабочимъ классомъ.

Эрве, какъ мы знаемъ, давно сбросилъ маску революціонера и теперь, позоря имя соціалиста, подвизается на самомъ крайнемъ крылѣ соціалъ-шовинистовъ.

Неомарксисты особой партіи собой не представляли; одни изъ нихъ входили въ соціальдемократическую партію, а другіе — Сорель, Бертъ и пр. — просто литераторы. Въ идею всеобщей стачки они ничего новаго не внесли, если не считать новостью попытку извратить ея содержаніе марксистскими „примыслами".

Скажемъ мимоходомъ нѣсколько словъ объ итальянскихъ неомарксистахъ. Они жили душа въ душу съ французскими и признавали вмѣстѣ съ послѣдними одного общаго вождя, Сореля. Сорель и Бертъ ушли.... къ роялистамъ, а Лабріола, голова и душа итальянскаго неомарксизма, проникшись имперіалистскимъ духомъ, выступилъ въ качествѣ защитника колоніальной политики и сталъ за завоеваніе Триполитаніи и Киренаики, а теперь, добровольно надѣвъ на себя солдатскую шинель, желаетъ водрузить трехцвѣтное королевское знамя на скалахъ Трента и Тріеста. Знаменитый депутатъ-антипарламентаристъ, синдикалистъ и неомарксистъ Де-Амбрисъ превратился въ синдикалиста его королевскаго величества. А относительно Е. Леоне говорятъ, что тѣ ужасныя мозговыя усилія, которыя онъ дѣлалъ для того, чтобы „омаркситъ" синдикализмъ, возымѣли для его мозга весьма фатальныя послѣдствія.

Неомарксисты сыграли въ рабочемъ движеніи роль гастролеровъ: пришли, набѣдокурили, напутали и ушли. Этимъ гастролерамъ В.М. Черновъ и посвятилъ свое чуовищно длинное предисловіе къ книгѣ Поля Лун, попутно сваливъ въ одну кучу всѣхъ разнообразныхъ участниковъ синдикалистскаго движенія, вслѣдствіе чего въ его трудѣ, мѣстами довольно цѣнный, вкралось много фактическихъ неточностей, что не особенно ловко для такого ловкаго и искушеннаго полемиста, какъ В. М. Черновъ.

Теперь Алльеманъ, Эрве, Сорель, Лабріола и пр. уже сошли со сцены. Но давая историческую справку, поневолѣ приходится излагать не то, что есть и будетъ, а то, что было, не взирая на то, что это бывшее быльемъ поросло.

2) *Неопредѣленные.* Среди соціальдемократовъ, какъ реформистовъ такъ и ортодоксовъ, встрѣчаются не только отдѣльныя личности, но цѣлыя группы, которыя не занимаютъ опредѣленной позиціи по отношенію къ всеобщей стачкѣ. *Соціальную* всеобщую стачку они всѣ безусловно отвергаютъ; что же касается политической массовой стачки, то они пока еще не нашли достаточно доводовъ ни для того, чтобы ее окончательно отвергнуть, ни для ея окончательнаго признанія. Они всегда очень много и очень длинно все обсуждаютъ, но никогда своего мнѣнія не имѣютъ.

3) *Сторонники массовой политической стачки.* Какъ и „неопредѣленные", эти тоже категорически отвергаютъ *соціальную* всеобщую стачку.

„При извѣстныхъ условіяхъ, говоритъ Каутскій, т. е. когда наступаетъ рѣшительный моментъ, когда рабочія массы сильно возбуждены грандіозными событіями, массовыя забастовки могутъ привести къ крупнымъ политическимъ результатамъ.

„Говоря это, я совсѣмъ, конечно, не думаю защищать идею всеобщей стачки въ томъ смыслѣ, какъ о ней говорятъ анархисты и французскіе тредъ-юніонисты. По ихъ мнѣнію всеобщая стачка должна замѣнить собою политическую и въ особенности парламентскую дѣятельность пролетаріата и сдѣлаться средствомъ ниспроверженія существующаго общественнаго строя. Это — абсурдъ".[1])

Такая же точка зрѣнія преобладала и на Амстердамскомъ соціальдемократическомъ конгрессѣ 1904 г. Тамъ тоже утверждалось, что если подъ всеобщей стачкой подразумѣвать полное прекращеніе работъ, то она неудобоисполнима, ибо она сдѣлала бы немыслимымъ существованіе какъ самого пролетаріата, такъ и всѣхъ другихъ слоевъ общества.

Но „возможно, наоборотъ, что стачка, распространившись на большое число тѣхъ ремеслъ, которыя особенно важны для функціонированія экономической жизни общества, можетъ оказаться сильнымъ средствомъ для осуществленія нѣкоторыхъ существенныхъ реформъ, равно какъ она можетъ послужить

[1]) Отмѣтимъ, что выраженіе *всемірная* стачка встрѣчается только у сторонниковъ намѣреннаго искаженія идеи всеобщей стачки. Всемірной стачки вообще не можетъ быть. Дѣйствительно, никто кромѣ нѣмцевъ до такого „kolossal" не могъ бы додуматься. Не о всемірной стачкѣ идетъ рѣчь, а о *международной*. Мы никогда не думали призывать участвовать въ организаціи всеобщей стачки млечный путь, ни приглашать вступать въ рабочіе союзы небо, луну, солнце и звѣзды. Мы люди скромные и обращаемся только къ народамъ, населяющимъ нашу грѣшную планету, да и то не ко всѣмъ.

[1]) Каутскій. Соціальная реформа и соціальная революція, гл. VII.

другихъ воюющихъ странъ искренно согласится съ манифестомъ нѣмецкихъ товарищей и забудутъ данную ими критику ожиданій и предчувствій. Въ немъ (манифестѣ) многое, пожалуй, съ чѣмъ они не смогутъ согласиться; они найдутъ, пожалуй, много хорошихъ причинъ для того, чтобы не согласиться съ манифестомъ... Но починъ нѣмецкихъ соціалистовъ даетъ надежды на то, что когда наступитъ эра возможности мира, — если мы будемъ отрицать возможность мира сейчасъ, — объединенныя соціалистическія силы Европы будутъ играть видную роль въ переговорахъ и будутъ признаны какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ того времени..."

Какъ мы видимъ, здѣшніе соціалисты возлагаютъ большія надежды на соціалистовъ *воюющихъ* странъ. „Cali" хотѣлъ бы, чтобы „сильнѣйшая соціалистическая партія въ Европѣ" подумала о примѣненіи „болѣе серьезныхъ попытокъ" къ возстановленію мира.

* * *

Недавно вернулась изъ Европы делегатка на интернаціональную мирную конференцію, — г-жа Аддамсъ.

Она убѣждена, что народы Европы страстно хотятъ мира. Они — народы, а не правительства, — самымъ серьезнымъ образомъ говорятъ о мирѣ. По ея мнѣнію европейское движеніе за миръ гораздо серьезнѣе, чѣмъ желаніе американцевъ возстановить миръ.

Въ интервью съ сотрудникомъ Нью-іоркскаго „Times" г-жа Аддамсъ доказываетъ, что Европа сама не въ состояніи придти къ какому-нибудь мирному соглашенію. „Вездѣ, говоритъ она, мы встрѣчали болѣе или менѣе опредѣленныя разногласія между народными и милитаристскими группами". Несмотря на то, однако, что „объ эти группы патріотичны, каждая, правда, по своему.... народныя группы говорятъ о мирѣ, но милитаристы не желаютъ и думать о немъ."

Изъ-за сильнаго голоса милитаристскихъ и правительственныхъ группъ не слышны раздающіеся время отъ времени призывы мыслящихъ и желающихъ мира гражданъ, и поэтому они съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ, яко-бы, призыва къ миру изъ Соед. Штатовъ. „Они съ охотой говорятъ съ американцами, по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Америка — величайшая нація, не вовлеченная въ войну; она очень необходима для каждой изъ воюющихъ странъ... Лично я думаю, что положить начало мирнымъ переговорамъ — наша непремѣнная обязанность и великій, исключительно-счастливый случай".

Что же, по мнѣнію жаждущей мира г-жи Аддамсъ, должно предпринять правительство Соед. Штатовъ? Объ этомъ она говоритъ: „Если Соед. Штаты созовутъ конференцію нейтральныхъ странъ, я увѣрена, — это будетъ встрѣчено привѣтственно... Продолжающаяся конференція нейтральныхъ странъ, готовая дѣйствовать, какъ только представится удобный случай, будетъ имѣть громадное, неоцѣнимое значеніе".

Но предлагаемая г-жей Аддамсъ конференція не будетъ созвана „для остановленія войны". Эта конференція должна существовать для того, чтобы „быть готовой *оказать существенную поддержку Европѣ*, когда Европа *сама захочетъ* остановить войну (?!)"

Г-жа Аддамсъ наивно вѣритъ, что такого рода конференція сумѣетъ дать первый толчокъ къ остановленію войны. Она не понимаетъ, что, если подобная конференція нейтральныхъ странъ и будетъ собрана, то членамъ ея придется... ожидать у моря погоды...

* * *

Извѣстный въ Америкѣ и Англіи журналистъ, общественный дѣятель и буржуазный проповѣдникъ международнаго мира, — г-нъ Стэдъ, высказываетъ въ іюньскомъ номерѣ „The American Review of Reviews" необходимость возстановленія мира въ Европѣ. Господинъ Стэдъ тоже думаетъ, что вопросъ о пріостановленіи войны въ Европѣ зависитъ отъ Соед. Штатовъ. Для заключенія мира по его мнѣнію Соед. Штатамъ, какъ самой сильной нейтральной странѣ, къ тому-же дружащей со всѣми воюющими странами, необходимо созвать третій Гаагскій Конгрессъ! Правительство Соед. Штатовъ должно „настоятельно требовать" отъ всѣхъ странъ присылки на конгрессъ вліятельныхъ и дѣятельныхъ представителей, не для высказыванія пожеланій, но для скораго, справедливаго и категорическаго дѣла.

Попутно почтенный журналистъ много высказывается о *дальнѣйшей* дѣятельности Гаагскаго Трибунала, по всей вѣроятности не надѣясь, что европейскія страны смогутъ долго пребывать въ мирѣ другъ съ другомъ.

Буржуазно-пацифистскій авторъ цитируемой статьи: „*Какъ объединить движеніе за миръ?*" смотритъ на рекомендуемыя имъ мѣры болѣе серьезно, чѣмъ соціалистка г-жа Аддамсъ. Онъ не совѣтуетъ ждать у моря погоды, какъ дѣлаетъ это она, и заканчиваетъ свою статью убѣдительнымъ призывомъ къ американскому обществу: „Если американцы имѣютъ достаточно вѣры, достаточно мужества, достаточно коммерческаго разума (о!) для того, чтобы помочь міровому движенію „желанія мира", стать сильнымъ къ Третьей Гаагской Конференціи, то они къ славѣ, полученной ими за уничтоженіе рабства, добавятъ величайшую славу, — славу, „истребителей войны"...

Кто знаетъ американское „общество", можетъ безошибочно предсказать, что ни вліятельные слои американской буржуазіи, ни правительство Соед. Штатовъ не приложатъ никакихъ усилій къ возстановленію мира въ Европѣ. Они также не захотятъ гордиться славой „истребителей войны", какъ капиталисты и рабовладѣльцы временъ рабства не жаждали славы „уничтожителей рабства". Американскіе капиталисты не приложатъ никакихъ усилій для возстановленія мира, потому что, какъ мы показали это въ предыдущей замѣткѣ, американскій капиталъ слишкомъ заинтересованъ *въ продолженіи* европейскаго кровопролитія. Европейская война въ промышленныхъ и торговыхъ кругахъ Америки разсматривается, какъ *небывалое счастье* для американскаго капитала. Положить ей насильственный конецъ смогутъ только враждебныя капиталистическому строю объединенныя силы возставшихъ трудящихся массъ.

Вл. Лосьевъ.

New-York.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Выводы т. Лосьева подтверждаются не только приводимыми имъ цифровыми данными, но и дипломатической позиціей, занятой С. Штатами. Телеграмма агентства Гавасъ отъ 10 сентября, изъ Вашингтона, сообщаетъ, что правительство С. Штатовъ выслало изъ предѣловъ своего государства австрійскаго посла, г. К. Думбу, за то, что онъ, по порученію австрійскаго правительства, *пытался организовать стачки на заводахъ, занятыхъ изготовленіемъ военныхъ припасовъ и аммуниціи для Четверного Согласія*. Въ такомъ образѣ дѣйствій австрійскаго посланника при вашингтонскомъ дворѣ американское правительство усмотрѣло „покушенія на свободную индустрію и законную торговлю С. Штатовъ." Комментаріи излишни.

Другая телеграмма того же агентства, отъ 28 сентября, передаетъ, что между С. Штатами и Четверными Согласіемъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго С. Штаты одалживаютъ Четверному Согласію 500 милліоновъ долларовъ ($2^1/_2$ милліарда франковъ) *съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вся сумма займа была истрачена только въ С. Штатахъ*. Совершенно очевидно, что правительство С. Штатовъ заботится о томъ, чтобы американскіе милліардеры, поставляющіе Четверному Согласію оружіе и аммуницію, получали заказы и чтобы они были своевременно оплачены. Въ то же время оно заботится и о заработкѣ *для* своихъ банкировъ: по имѣющимся свѣдѣніямъ заемъ разрѣшенъ Четверному Согласію на послышпно-тяжелыхъ, ростовщическихъ условіяхъ, чуть-ли не по 8%.

ПОЗОРНЫЙ РЕЖИМЪ.

Какъ бы ни были сердца наши переполнены болью передъ лицомъ безчисленныхъ жертвъ, ежедневно падающихъ на поляхъ сраженій, мы, анархисты, даже *чувствомъ* своимъ не можемъ проявлять большаго или меньшаго сожалѣнія къ той или иной изъ воюющихъ націй. Намъ *одинаково* прискорбна гибель каждаго человѣка, ставшаго жертвой повсемѣстной буржуазно-соціалистической милитаризаціи.

Но мы не можемъ, мы не должны безучастно пройти мимо, видя вѣковую печаль и слыша душу раздирающій голосъ *еврейскаго населенія Россіи*, исключительно бѣдственное положеніе котораго, бывшее невыносимымъ и до войны, во время войны обострилось до невѣроятныхъ размѣровъ. Позорный россійскій режимъ звѣринаго націонализма, какъ и нужно было предвидѣть, отыскалъ въ „жидѣ" виновника военныхъ пораженій и яростно набросился на него, чтобы сорвать на немъ свою безсильную злобу.

Пославъ способныхъ носить оружіе молодыхъ евреевъ на фронтъ защищать угнетающее ихъ-же россійское варварство, великодушно предоставивъ имъ право умирать наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ за россійскую тиранію, русское правительство истребляетъ погромами оставшееся дома ненавистное ему „жидовское племя".

Старыхъ методовъ изнасилованія женщинъ, убійства дѣтей и расхищенія имущества въ военное время оказалось недостаточно. Чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ, правительство кроваваго царя изобрѣло систему „выселеній". Сотни тысячъ евреевъ насильно втискиваются въ вагоны, порою вмѣстѣ со скотомъ, и, какъ мертвый грузъ, транспортируются невѣдомо куда, въ мѣстности, назначаемыя „отправителемъ".

Мало было черты осѣдлости, истязаній, гоненій, безправія и всяческихъ лишеній, которымъ еврейское населеніе Россіи подвергалось до войны „на законныхъ основаніяхъ". Звѣрино-націоналистическія потребности военнаго времени не могли ограничиться „нормальными" способами кровопійства и изобрѣли „*систему военнаго еврейскаго шпіонажа*". Прикрываясь измышленіемъ о „еврейскомъ предательствѣ", сатрапы-хищники Кроваваго Царя, подъ начальствомъ своего „августѣйшаго" дегенерата-главнокомандующаго, разстрѣливаютъ и вѣшаютъ сотни невинныхъ евреевъ, упиваясь видомъ „жидовской" крови.

Унизительность испанскихъ „гетто", муки средневѣковой инквизиціи — кажутся лишь незначительными эпизодами по сравненію съ тѣмъ преступнымъ режимомъ, который примѣняется въ отношеніи евреевъ окончательно озвѣрѣвшимъ русскимъ правительствомъ, нынѣ яко бы ополчившимся „на защиту угнетенныхъ національностей."

И все это систематическое надругательство надъ цѣлымъ многомилліоннымъ населеніемъ, принявшее размѣры историческаго факта, открыто и цинично совершается на глазахъ всего „цивилизованнаго" человѣчества, на глазахъ кичащейся своей культурой" и своимъ „гуманнизмомъ" Европы. „Цивилизованный" міръ безмолствуетъ; „гуманитарная" Европа молча несетъ на своемъ лицѣ это позорное пятно царистскаго режима; „демократическія" союзницы, защищаемыя соціалистами, дѣлаютъ видъ, что всего этого не существуетъ. Имъ нужны казаки русскаго Абдулъ-Гамида и они покупаютъ ихъ молчаливымъ попустительствомъ. Ни одна почти европейская даже *радикально*-буржуазная газета не проронила ни слова объ ужасахъ, переживаемыхъ еврейскимъ населеніемъ Россіи. А одна или двѣ большія соціалистическія газеты нѣсколько обмолвились парой жалкихъ словъ, но и это они сдѣлали съ видомъ покорной собаченки, трусливо поджимающей хвостъ изъ опасенія получить пинокъ ногой отъ своего могущественнаго хозяина.

Неужели для пробужденія совѣсти общественнаго мнѣнія Европы необходимо экспортировать изъ Россіи нѣсколько сотъ искалѣченныхъ, изуродованныхъ жертвъ августѣйшаго произвола и демонстрировать ихъ всему міру, наглядно поясняя: смотрите, господа гуманисты и демократы, — вотъ какъ насилуется русское пра-

---

оружіемъ для самозащиты отъ реакціонныхъ покушеній на права рабочихъ".[1])

Вотъ въ главныхъ чертахъ мысли, преобладавшія на Амстердамскомъ конгрессѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что даже на политическую массовую стачку соціальдемократы смотрятъ, какъ на крайнее средство, къ которому можно прибѣгать лишь при исключительныхъ условіяхъ. Эти условія различно оцѣниваются въ соціальдемократическомъ мірѣ, но преобладающее мнѣніе сводится къ слѣдующему: къ массовой политической стачкѣ можно прибѣгнуть 1) когда представляется случай (крайне рѣдкій) осуществить при помощи ея болѣе или менѣе существенныя реформы, 2) когда нужно защищать права рабочихъ, т. е. ихъ избирательныя возможности, и 3) когда происходитъ борьба за достиженіе избирательныхъ правъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что соціальдемократы старались превратить всеобщую стачку въ простое добавленіе къ парламентской борьбѣ, которую они умышленно отождествляютъ съ политической борьбой.

4) *Противники всеобщей стачки.* Среди противниковъ всеобщей стачки самое непримиримое положеніе занимаютъ французскіе правовѣрные марксисты, гэдисты. „Всеобщая стачка и соціализмъ — несогласуемы", говоритъ Гэдъ. И онъ же заявилъ на Лиллькомъ съѣздѣ 1904 г.[2])

„Съ самаго начала всеобщая стачка появилась какъ средство, направленное противъ политической дѣятельности соціалистической партіи. Слово „всеобщая стачка" служитъ средствомъ борьбы противъ всѣхъ соціалистическихъ школъ, — какъ противъ Соціалистической Партіи Франціи, такъ и противъ Французской Соціалистической Партіи. Въ настоящій моментъ фразеологія сторонниковъ всеобщей стачки дѣлаетъ соціализму больше зла, чѣмъ министеріализмъ".[3])

Такъ же враждебно относится *большинство* соціальдемократіи Швейцаріи и Голландіи ко всякой всеобщей стачкѣ.

Замѣтимъ кстати, что такое или иное отношеніе соціальдемократовъ къ всеобщей стачкѣ совершенно не зависитъ отъ того, ортодоксы они или ревизіонисты. *Среди сторонниковъ массовой политической стачки* можно найти соціальдемократовъ всѣхъ оттѣнковъ: Каутскій, Вальянъ, Плехановъ, Ж. Андлеръ, бельгійскіе соціальдемократы (которые почти сплошь ревизіонисты), Бернштейнъ и др. *Среди противниковъ всякой всеобщей стачки* мы также находимъ людей самыхъ разнообразныхъ направленій: Гэдъ и его друзья, Трельстра и его сторонники, швейцарскіе соціальдемократы и реакціонные соціалисты сѣвера Франціи, члены объединенной французской соціальдемократической партіи Вали и Ламанденъ, и пр. и пр.

Профессіональные союзы. Профессіональные союзы въ Австріи, Германіи, Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи находятся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ соціальдемократическихъ партій. Отмѣтимъ, однако же, что въ послѣднее время замѣчалось со стороны нѣкоторой части профессіональныхъ союзовъ стремленіе освободиться отъ этого партійнаго вліянія. Такъ, напримѣръ, въ Германіи образовались такъ называемые „мѣстные" синдикаты, въ Австріи (Богемія) синдикаты начали группироваться вокругъ анархической федераціи рудокоповъ, то же стремленіе къ самостоятельности проявлялось въ нѣкоторой части рабочихъ организацій Голландіи, но все это пока въ не особенно большихъ размѣрахъ, такъ что во всѣхъ перечисленныхъ выше странахъ въ профессіональныхъ союзахъ *безусловно* преобладаютъ соціальдемократическія вліянія. Поэтому во всѣхъ этихъ странахъ профессіональные союзы относятся къ всеобщей стачкѣ такъ, какъ къ ней относятся партійные центры.

Альфонсъ Октросъ, секретарь синдикальной комиссіи бельгійской рабочей партіи, энергично возстаетъ противъ идеи *соціальной* всеобщей стачки. При настоящемъ положеніи вещей соціальная всеобщая стачка кажется ему *громадной утопіей*. Однако жъ онъ не думаетъ, чтобы можно было категорически отвергнуть это „освободительное оружіе". Онъ говоритъ, что къ нему нужно прибѣгнуть вполнѣ сознательно, лишь тогда, когда пролетаріатъ сумѣетъ пользоваться имъ.

„Бельгійцы ограничиваютъ свою непосредственную программу организаціей рабочаго класса и развитіемъ въ немъ его классоваго самосознанія. Извѣстно, какимъ образомъ посредствомъ своихъ синдикатовъ и кооперативовъ бельгійскій пролетаріатъ сумѣлъ создать корпоративный и экономическій организмъ, который съ одной стороны группируетъ рабочихъ путемъ добровольной и осмысленной дисциплины, а съ другой — снабжаетъ ихъ финансовыми средствами, съ каждымъ днемъ увеличивающимися, и подготовляетъ ихъ мало по малу къ роли управляющихъ торговыми и промышленными предпріятіями, каковую роль они должны будутъ выполнить въ будущемъ. Эта подготовка, конечно, потребуетъ много времени и теперешніе революціонеры не надѣются увидѣть ея результаты".[1])

Это просто и откровенно: всеобщая стачка — вопросъ не для современныхъ революціонеровъ, а для будущихъ поколѣній. Современнымъ же революціонерамъ рекомендуется коммерческая практичность, къ которой дѣйствительно проявляютъ большую способность бельгійскіе кооперативы. Нужно полагать, что это торгово-промышленное самосознаніе и есть классовое самосознаніе самаго перваго сорта!

Нѣмецкіе синдикаты смотрятъ на всеобщую стачку совершенно такъ же, какъ бельгійскіе. Карлъ Легинъ, секретарь „генеральной комиссіи нѣмецкихъ синдикатовъ", на съѣздѣ 1900 г. представилъ докладъ отъ имени „комиссіи всеобщей стачки", въ которомъ онъ заявилъ слѣдующее:

„Для большинства комиссіи вопросъ о всеобщей стачкѣ въ настоящій моментъ *не подлежитъ обсужденію* (курсивъ мой. К. О.) на томъ простомъ основаніи, что когда хотятъ начать битву, нужно сначала сформировать батальоны, которые могли бы справиться съ врагомъ на полѣ битвы. До тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не будетъ располагать прочно организованными и многочисленными синдикатами, не желательно, чтобы объявилась всеобщая стачка, потому что въ такихъ условіяхъ она будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ лишь отдачу пролетаріата въ руки буржуазіи, которая подвергнетъ его разстрѣламъ и голоданію".

Въ этой рѣчи мы отмѣтимъ двѣ вещи: все ту же давно знакомую намъ ненасытную „организаціонную жадность" и... боязнь розогъ. Когда будетъ увѣренность, что за объявленіе всеобщей стачки пролетаріата не высѣкутъ и за уши не выдерутъ, тогда можно будетъ объявить ее. Но съ другой стороны, мы уже выше видѣли, что когда пролетаріатъ достигнетъ такой силы, то всеобщая стачка уже больше будетъ не нужна, ибо тогда она станетъ удобоисполнимой, а когда она удобоисполнима, она уже не нужна.... Все та же исторія, все та же нудная сказка про бѣлаго бычка.

Конгрессъ нѣмецкихъ синдикатовъ, имѣвшій мѣсто въ маѣ 1905 г. въ Кельнѣ, занялся „основательно" вопросомъ о всеобщей стачкѣ и, согласно заключеніямъ докладчика Бемельбурга, заявилъ себя опредѣленно противникомъ ея примѣненія какъ въ экономической, такъ и въ политической области. Несмотря на вмѣшательство нѣсколькихъ делегатовъ, сторонниковъ политической стачки, резолюція Бемельбурга, осуждающая ее во всѣхъ ея формахъ, была принята почти единогласно (только 7 голосовъ было за политическую стачку).

Секретарь „генеральной комиссіи австрійскихъ синдикатовъ", Гюберъ, занялъ по отношенію къ всеобщей стачкѣ своеобразную позицію. Онъ очень опредѣленно заявилъ себя сторонникомъ обобщенныхъ стачекъ при наличности „сильно централизованныхъ синдикатовъ, обладающихъ громаднымъ военнымъ капиталомъ."

Всеобщая стачка, разсматриваемая какъ орудіе для завоеванія политическихъ правъ и для защиты правъ, уже завоеванныхъ, не есть, въ его глазахъ, утопія: могутъ сложиться такія обстоятельства, говоритъ онъ, когда пролетаріатъ долженъ будетъ выполнить свою историческую миссію. Но на вопросъ, можетъ ли всеобщая стачка сыграть роль соціально-революціоннаго средства, Гюберъ тоже отвѣчаетъ отрицательно.[1])

* * *

При внимательномъ анализѣ моихъ двухъ статей, посвященныхъ этому вопросу на страницахъ „Рабочаго Знамени", самъ собою напрашивается тотъ выводъ, что если съ одной стороны анархисты и всѣ искренніе революціонеры стремились къ тому, чтобы внѣдрить въ сознаніе рабочаго класса пониманіе о соціально-революціонной цѣнности всеобщей стачки; если были люди, которые стремились къ тому, чтобы всеобщая стачка стала тѣмъ могучимъ средствомъ, при помощи котораго, въ особенности при теперешнихъ условіяхъ, можно было бы успѣшно *начать* революцію, создать условія для соціально-революціонной борьбы; если были люди, которые стремились къ тому, чтобы сдѣлать изъ всеобщей стачки то сильное орудіе, которое могло бы явиться страшной угрозой для тѣхъ, кто вздумаетъ предпринять преступную, злодѣйскую затѣю натравленія международнаго пролетаріата другъ на друга, — то съ другой стороны *параллельно* велась соціальдемократами другая работа, сознательно направленная къ обезсиленію и осмѣянію идеи всеобщей стачки. И если въ то тяжелое время, которое мы сейчасъ переживаемъ, это могучее средство не дало того, что мы отъ него ожидали, вина за это цѣликомъ падаетъ на соціальдемократовъ, которые съ 1889 года систематически занимаются „убіеніемъ" всеобщей стачки, вытравленіемъ изъ рабочаго класса всякаго революціоннаго духа.

Вотъ почему отвѣтственность за самоотреченіе международнаго пролетаріата цѣликомъ ложится на соціальдемократію.

К. Оргеіани.

---

[1]) См. Отчеты Амстердамскаго конгресса.

[2]) См. Отчеты Лиллькаго съѣзда.

[3]) Гэдъ очевидно уже тогда предчувствовалъ, что онъ станетъ министромъ.

[1]) См. отвѣтъ Октроса въ Enquête sur la grève générale.

[1]) См. Buisson, Grève générale и L'enquête sur la grève générale.

Какъ опредѣляетъ Бакунинъ Государство? Мы позволимъ себѣ привести длинную цитату, дающую ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ:

„Что такое Государство? Метафизики и доктора правъ отвѣчаютъ намъ, что это то, что принадлежитъ всѣмъ; интересы, общее благо и право всѣхъ въ противоположеніи раздѣляющему дѣйствію эгоистичныхъ интересовъ и страстей каждаго. Это — земная справедливость, земное осуществленіе морали и добродѣтели. Слѣдовательно, для индивидуумовъ не можетъ быть болѣе высокаго подвига и болѣе высокой обязанности, какъ продавать себя, жертвовать собою и, въ случаѣ нужды, умирать ради торжества, ради могущества Государства.

Вотъ въ немногихъ словахъ вся теологія Государства. Посмотримъ теперь, не скрываетъ ли эта политическая теологія, также какъ и теологія религіозная, подъ очень красивой и поэтической внѣшностью очень обыкновенныя и грязныя реальности.

Проанализируемъ сперва самую идею Государства, взявъ ее таковой, какъ намъ ее представляютъ его восхвалители. Это — пожертвованіе естественной свободой и интересами каждаго, — какъ индивидуумовъ, такъ и сравнительно меньшихъ коллективныхъ единицъ: ассоціацій, коммунъ и провинцій, — ради интересовъ и свободы всѣхъ, ради благоденствія великаго цѣлаго. Но это общее, это великое цѣлое, — что̀ оно такое въ дѣйствительности? Это совокупность всѣхъ индивидуумовъ и всѣхъ болѣе узкихъ человѣческихъ обществъ, которые его составляютъ. Но разъ, чтобы его составить и соподчиниться въ немъ, всѣ индивидуальные и мѣстные интересы должны быть пожертвованы, то чѣмъ же является въ дѣйствительности то цѣлое, которое въ идеѣ должно быть ихъ представителемъ? Оно не является живымъ единствомъ, предоставляющимъ каждому свободно дышать и дѣлающимся тѣмъ болѣе богатымъ, могучимъ и свободнымъ, чѣмъ шире развертываются въ его лонѣ свобода и счастье каждаго; оно не является естественнымъ человѣческимъ обществомъ, которое утверждаетъ и увеличиваетъ жизнь каждаго посредствомъ жизни всѣхъ; — напротивъ того, оно является заклапіемъ всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и всѣхъ мѣстныхъ ассоціацій; абстракціей, убивающей живое общество ограниченіемъ, или, лучше сказать, полнымъ отрицаніемъ жизни и права всѣхъ частей, составляющихъ общее цѣлое, во имя выдуманнаго и фиктивнаго общаго цѣлаго. Таково Государство, этотъ алтарь политической религіи, на которомъ постоянно происходитъ заклапіе естественнаго общества. Это всепожиратель, живущій человѣческими жертвами, подобно Церкви. Государство, повторяю еще разъ, меньшой братъ Церкви."

И далѣе:

„Государство по самому своему принципу есть громадное кладбище, гдѣ происходитъ самопожертвованіе, смерть и погребеніе всѣхъ проявленій индивидуальной и мѣстной жизни, всѣхъ интересовъ частей, которыя составляютъ, всѣ вмѣстѣ, общество. Это алтарь, на которомъ реальная свобода и благоденствіе народовъ приносятся въ жертву политическому величію. И чѣмъ это пожертвованіе болѣе полно, тѣмъ Государство совершеннѣе."

Бакунинъ, своимъ опредѣленіемъ сущности Государства, мастерски вскрываетъ *натологію* Государственности: Государство, полагающее защитить всѣхъ, для цѣлей защиты *уничтожаетъ* свободу каждаго.

Вскрытіе внутренняго противорѣчія Государства даетъ Бакунину возможность освѣтить и другой вопросъ: приноситъ, приносило-ли Государство *пользу*?

Некритическіе анархисты часто мотивировали свое отрицательное отношеніе къ Государству *только* тѣмъ, что послѣднее не приноситъ пользы человѣчеству. Противники анархизма изъ силъ выбивались, чтобы доказать противное: Государство полезно обществу. Бакунинъ ставитъ вопросъ иначе. Онъ допускаетъ, что Государство было полезно, но какого характера эта польза? Государство, въ лучшемъ случаѣ, *могло* дать „благоденствіе" — обезпеченность, но не свободу, ибо оно всегда *грабило* свободу во имя *благоденствія*. А разъ это такъ, разъ благоденствіе не есть свобода, разъ между жаждой „хлѣба" и жаждой „воли" *возможенъ* (но не обязателенъ) *конфликтъ*, то человѣку надо *выбирать*... А выборъ будетъ сдѣланъ правильно лишь въ томъ случаѣ, если „дитя маловѣрное" будетъ знать, „гдѣ его идолъ стоитъ":— чему служить онъ хочетъ — животному или человѣческому „началу".

Чѣмъ же характеризуется „человѣческое" начало,—какъ понимаетъ Бакунинъ назначеніе человѣка?

Мало того, что человѣкъ не можетъ быть рабомъ корыта, благоденствія, даваемаго порой Государствомъ. Мало и того, ежели человѣкъ, которому данъ великій *разумъ*, пользуется этимъ разумомъ для наилучшаго *матеріальнаго* приспособленія: изобрѣтаетъ орудія, дающія ему возможность называться царемъ природы. Развѣ этими орудіями люди не истребляютъ другъ друга, какъ звѣри, не пользуются ли усовершенствованной техникой для того, чтобы тиранить, властвовать, порабощать? Бакунинъ даетъ иной критерій: назначеніе человѣка, между прочимъ, состоитъ въ томъ, чтобы „*освобождать и возмущать міръ*!" *)

Но какъ же тогда называть тѣхъ, которые за чечевичную похлебку — „благоденствіе" — продаютъ Государству первородство свое, — свободу? Какъ они могутъ „возмущать и освобождать міръ", если добровольно „главу предъ идолами клонятъ и просятъ денегъ да цѣпей" у Государства!... И ужъ, конечно, Государство требуетъ „священной жертвы" — пылать *патріотизмомъ*.

Патріотизмъ, эта неотъемлемая принадлежность Государства, въ дѣйствительности все же древнѣе Государства.

Патріотизмъ, по Бакунину, заключаетъ въ себѣ какъ бы четыре элемента: 1) естественный или физіологическій, 2) экономическій, 3) политическій, 4) религіозный или фанатическій. Для нашей цѣли вполнѣ достаточно остановиться на анализѣ физіологическаго элемента. Бакунинъ, подобно Шиллеру, предполагаетъ, что голодъ и любовь являлись основными факторами жизни *первобытнаго* человѣка. Бакунинъ раньше всего констатируетъ, что бо́льшая или меньшая однородность интересовъ дана *объективно*, внѣшней средой. Борьба за питаніе ведетъ къ безпощадной борьбѣ каждаго противъ всѣхъ. Но эта же животная борьба порождаетъ и своеобразную звѣриную солидарность, зачатки *звѣринаго патріотизма*: данная группа борющихся между собою животныхъ чуетъ, что все же интересы ея группы находятся въ еще бо́льшемъ антагонизмѣ къ другой группѣ, чѣмъ интересы отдѣльныхъ особей между собою внутри ея самой. Отсюда и временная солидарность съ цѣлью борьбы съ наибольшимъ врагомъ. Этотъ патріотизмъ потомъ расширяется въ своемъ масштабѣ, обогащается новыми элементами, — религіознымъ, экономическимъ и др. — принимаетъ обликъ государственности, но основная его черта, *звѣриная* природа остается незыблемой и неизмѣнной.

Почему такъ? Почему бы не предположить, что наряду съ расширеніемъ, съ привнесеніемъ новыхъ элементовъ, въ связи съ общимъ ростомъ культуры, патріотизмъ теряетъ свои звѣриныя черты? Наконецъ, гдѣ она, эта демаркаціонная линія, отдѣляющая „зоологическій" патріотизмъ отъ „человѣческаго"?

Сама по себѣ любовь къ общинѣ, къ *своей* культурѣ, еще не *является* отрицательнымъ признакомъ. Звѣриность патріотизма, по Бакунину, проявляется „въ его ненависти ко всему, имѣющему *чуждый* характеръ... патріотизмъ — это съ одной стороны *коллективный эгоизмъ*, а съ другой — *война*". „Инстинктивное отвращеніе ко всему чуждому, отвращеніе инстинктивное и, слѣдовательно, совершенно звѣриное";— вотъ черта, которой Бакунинъ характеризуетъ патріотизмъ. Онъ нисколько не игнорируетъ экономическаго момента, ибо въ концѣ концовъ — борьба за рынки не есть развѣ видоизмѣненная, расширенная, усложненная борьба за питаніе? И станетъ ли кто либо отрицать, что и въ нашъ интернаціональный вѣкъ проснулась эта темная, зловѣщая сила — отвращеніе „къ чуждому"? Одно во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: это хищническое отношеніе одной государственной силы къ другой.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію отношенія Бакунина къ войнѣ, намъ хотѣлось бы сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Скажемъ мимоходомъ, что мы не согласны съ Бакунинымъ въ его оцѣнкѣ факторовъ, которымъ подчинялась жизнь первобытнаго человѣка. Анархизмъ даетъ иной критерій для построенія философіи исторіи культуры. Но, оставаясь въ предѣлахъ затронутой темы, мы считаемъ нужнымъ пояснить указаніе Бакунина на то, что Государство *часто вступаетъ въ борьбу съ узкимъ семейнымъ, общиннымъ патріотизмомъ*.

Это для насъ важно потому, что нѣкоторые анархисты утверждаютъ, будто *всякую* борьбу локальныхъ, мѣстныхъ, общинныхъ, силъ противъ Государства слѣдуетъ учитывать, какъ явленіе прогрессивное, которое должно быть поддержано нами. Въ подобномъ заключеніи имѣется зерно истины. Совершенно вѣрно, что въ борьбѣ Государства противъ автономіи мѣстныхъ силъ мы *никогда* не усматриваемъ элементовъ прогрессивности, но совершенно нелѣпо *обратное умозаключеніе*, будто всякая борьба мѣстныхъ элементовъ противъ центральной власти, Государства является прогрессивнымъ явленіемъ. Указанный Бакунинымъ примѣръ борьбы „естественнаго", — общиннаго, локальнаго патріотизма противъ патріотизма государственнаго служитъ яснымъ, блестящимъ и несокрушимымъ доказательствомъ вѣрности нашего положенія.

Во имя чего Государство объявляетъ войну не на жизнь, а на смерть „мѣстному" патріотизму? Во имя расширенія и углубленія принципа и началъ звѣринаго патріотизма. Во имя чего борется, противодѣйствуетъ локальный, мѣстный патріотизмъ? Да во имя того же „звѣринаго" начала, только суженнаго, упрощеннаго. Основной же принципъ у обѣихъ воюющихъ сторонъ остается одинъ и *тотъ же*.

А между тѣмъ это неправильное представленіе о прогрессивности всякой борьбы мѣстныхъ силъ съ „центромъ" породило глубоко невѣрное ученіе о яко-бы соотвѣтствующемъ анархическимъ принципамъ *раздробленіи, распыленіи власти*. Многіе забыли, что существуетъ *буржуазный*, феодальный, мелкобуржуазный *федерализмъ, ничего общаго съ анархизмомъ не имѣющій*.

Попутно еще одно замѣчаніе. Часто мы слышимъ упреки, будто анархическій коммунизмъ возрождаетъ полунатуральное хозяйство, товарный обмѣнъ, а главное, — возрождаетъ психологію изолированныхъ экономическихъ группъ. Это — грубое заблужденіе. Дѣло вовсе не во внѣшнемъ, часто техническомъ способѣ организаціи производства. Самое существенное — это *основной принципъ*, положенный въ основу данной формы общественности. Подъ принципомъ мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не абстрактную, кѣмъ то провозглашенную „идею", которая часто витаетъ надъ жизнью, — а *реальное, дѣйствительное сознаніе производителей*. И Бакунинъ намъ выясняетъ этотъ „принципъ". Онъ ставитъ знакъ равенства между общиннымъ и государственнымъ патріотизмомъ, ибо въ основу обоихъ положенъ одинаковый принципъ хищническаго отношенія къ чужому.

Каковъ же положительный принципъ, положенный въ основу грядущаго общежитія? Бакунинъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своемъ замѣчательномъ и недостаточно оцѣненномъ опредѣленіи сущности *эксплуатаціи*. На вопросъ: что такое эксплуатація? — онъ отвѣчаетъ:

„Отношенія, которыя, будучи мотивированы исключительно матеріальными нуждами, не являются... поддержанными и освященными какой нибудь *моральной* надобностью".

Обыкновенно принято думать, что эксплоатаціей слѣдуетъ считать полученіе „задаромъ" опредѣленнаго количества благъ. Хозяинъ пользуется „добавочнымъ", неоплаченнымъ трудомъ работника и т. д. Бакунинъ же даетъ намъ чисто *качественное* опредѣленіе этого понятія: пусть вы получили „полный доходъ" за трудъ, пусть вамъ обезпечили полный матеріальный „эквивалентъ", но разъ отношенія въ широкой, — соціальной, а не только экономической, — сферѣ не мотивированы нравственной санкціей „другой стороны", то здѣсь уже имѣется налицо эксплуатація.

О, мы прекрасно знаемъ, что тѣ, которые находятся въ плѣну у идеологіи марксизма; тѣ, которые еще не видятъ, что вся эта хилая фразеологія о „базисѣ" и „надстройкѣ", о „бытіи" и „сознаніи" нажила себя, что вся эта мнимая наука — „дышло, — куда погнуло, туда и вышло" — тѣ увидятъ въ словахъ Бакунина одни лишь добрыя пожеланія. Но тѣ, что покончили съ тусклымъ царствомъ лженаучныхъ призраковъ, усмотрятъ *великій практицизмъ* въ воззрѣніяхъ Бакунина!

Въ самомъ дѣлѣ: развѣ отрицаніе нравственной личности „чужого" не является важной *психологической* предпосылкой современной войны, какъ и войнъ вообще? Древній грекъ ненавидѣлъ варвара, считалъ, что по отношенію къ варвару „все позволено", — этотъ варваръ былъ раньше всего духовно низшей единицей. Еще Достоевскій (устами одного изъ героевъ въ „Бѣсахъ") пытался обосновать „зоологическій" націонализмъ: у каждаго народа есть свое знамя, свой богъ, враждебный другимъ знаменамъ, другимъ богамъ... Отсюда смертельная злая ненависть къ „другимъ". А что дѣлается сейчасъ, въ періодъ войны? Развѣ „бѣсы", въ лицѣ представителей современной науки, не пытаются „милитаризовать" умы? Развѣ они — то открыто, то замаскированно — не провозглашаютъ: святъ только *нашъ* „богъ", *наша* культура? О чемъ свидѣтельствуетъ подобное „варварство"? *Объ отсутствіи сочувственнаго опыта*, кладущемъ здѣсь грань между „моимъ" и „чужимъ", о чисто звѣриной солидарности „къ ближнему" и злой, хотя и замаскированной, ненависти къ „дальнему"...

Бакунинъ требуетъ *этической* санкціи „чужого" — единицы или коллектива, все равно. Это возможно только при *безконечномъ расширеніи сочувственнаго опыта*. Только тотъ „патріотизмъ" пріемлемъ, который базируетъ *на универсализмѣ*, на признаніи равноцѣнности всѣхъ „дальнихъ" и исходитъ изъ него. Можетъ ли быть анархизмъ заподозрѣнъ въ томъ, что онъ возрождаетъ „мелкобуржуазную" психологію? И не ясно ли, что сочетаніе автономизма и универсализма — душа анархизма?

Только такой анархическій „патріотизмъ", точнѣе, автономизмъ, чуждъ звѣрства, ибо онъ исключаетъ сущность современнаго патріотизма — *эксплуатацію*. Буржуазный же патріотизмъ — сплошное звѣрство, порождающее войну.

Какъ же относится Бакунинъ къ войнѣ?

Раньше всего онъ разоблачаетъ, какими масками прикрываются сторонники и вдохновители войнъ. Вотъ его слова:

„Увы, съ колыбели человѣческой цивилизаціи мы находимъ людоѣдство. Начиная съ этого же времени и не прекращаясь донынѣ, ведутся все уничтожающія войны, войны расъ и народовъ; войны завоевательныя, войны равновѣсія... войны религіозныя, *войны во имя великихъ идей*, подобныя той, которую ведетъ Франція, управляемая своимъ теперешнимъ императоромъ, и войны патріотическія, подобно тѣмъ, которыя задумываютъ нынѣ пангерманистическій министръ въ Берлинѣ и..... панславистскій царь въ Санктъ-Петербургѣ."

Развѣ теперь происходитъ не то же самое? Развѣ не панславистскій царь и не пангерманистскій министръ орошаютъ землю кровью народовъ? Развѣ Франція и теперь не увѣряетъ, что она ведетъ борьбу „во имя великихъ идей"?

Что на самомъ дѣлѣ является перводвигателемъ войнъ? Бакунинъ отвѣчаетъ на это такъ:

„Всегда эти попытки придать войнѣ видъ „человѣчности и правоты" лицемѣрны, ибо въ войнѣ мы находимъ лишь „*стремленіе однихъ жить и благоденствовать на счетъ другихъ*". Есть только одинъ движущій поводъ: грабежъ, завоеваніе чужого богатства и порабощеніе чужого труда".

Что можетъ быть категоричнѣе, яснѣе этого!

Въ заключеніи интересно отмѣтить еще, какъ Бакунинъ относится къ тѣмъ, которые повѣрили, что та или иная война „— во имя великихъ идей". — Дадимъ опять таки слово ему самому:

„Невѣжды, простецы и дураки даются на эту удочку, но ловкіе люди, управляющіе судьбами Государствъ, знаютъ, что цѣль войны — грабежъ".

Невѣжды, простецы и дураки!

О, нѣтъ, не только они дались на удочку. Горе и ужасъ въ томъ, что нѣкоторымъ *анархистамъ* надо доказывать, что лозунгъ „отливайте пушки и везите на позиціи" — чужой лозунгъ. Пусть это объясняется моей склонностью къ утопизму, но мнѣ все еще кажется, что многіе изъ нашихъ „милитаристовъ" прозрѣютъ, одумаются: проснется ихъ сознаніе и они сами ужаснутся своихъ дѣлъ и своихъ словъ!....

Рощинъ.

*) Можно смѣло сказать, что это понираніе Бакунинымъ *сущности человѣческой природы*, его опредѣленіе „человѣка", достойны стать рядомъ съ таковыми Шекспира (искавшаго отвѣтъ на этотъ вопросъ), Сократа и Спиноза!

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

I. Исторія одного протеста.

«Безумству храбрыхъ поемъ мы славу...»
Горькій.

Кажется, я не ошибусь, если скажу, что покушеніе на жизнь американскаго финансоваго короля Д. П. Моргана, совершенное 3-го іюля въ его загородномъ домѣ, — было не неожиданностью для многихъ и многихъ вдумчивыхъ наблюдателей происходящей въ Европѣ войны и отношенія къ воюющимъ странамъ различныхъ слоевъ американскаго общества.

Такіе наблюдатели не могли, конечно, не замѣтить того факта, что не только правящіе и финансовые слои американской буржуазіи, но и толпа, начиненная отчасти ложными, отчасти искаженными газетными сообщеніями и статьями о войнѣ, — были всецѣло на сторонѣ „союзниковъ" противъ „варваровъ"-нѣмцевъ. Такое противотевтонское настроеніе высказывали, къ великому сожалѣнію, также и многіе изъ дѣятелей американскаго рабочаго движенія, какъ на митингахъ, такъ и въ рабочей прессѣ.

Финансовые слои американской буржуазіи относились „благосклонно" и „сочувственно" къ союзникамъ лишь благодаря коммерческимъ дѣламъ, лишь благодаря тому, что союзники подняли упавшую было промышленность въ Америкѣ, что союзники давали своими многомилліонными заказами на военные снаряды пользу денежнымъ магнатамъ.

Изъ этихъ денежныхъ магнатовъ наиболѣе заинтересованнымъ въ войнѣ является безъ сомнѣнія Морганъ, — „король Уолль-стрита". Онъ — главный контрагентъ по закупкѣ военныхъ припасовъ для союзниковъ въ Америкѣ. Черезъ его руки проходили и проходятъ милліоны долларовъ отъ русскаго, французскаго, бельгійскаго и англійскаго правительствъ. Онъ сдавалъ заказы разнообразнымъ фабрикамъ и заводамъ, оставляя себѣ львиную долю пользы. Онъ снабжалъ деньгами правительства воюющихъ союзниковъ, получалъ за эту „услугу", помимо огромныхъ процентовъ, разныя привиллегіи, концессіи, кучи золота, облигацій, денегъ. Передаютъ, что тайнымъ путемъ, черезъ „нейтральную" Швецію, онъ посылалъ полные пароходы военной амуниціи, пушекъ, пороха и пуль, также и Германіи и ея союзникамъ. Короче говоря, ни для кого не должно быть сомнѣнія, что Морганъ является однимъ изъ тѣхъ, которые виновны въ великомъ безуміи, охватившемъ Европу. Онъ — косвенный виновникъ того, что всеевропейская война тянется такъ безконечно долго. Онъ — косвенный виновникъ того, что милліоны людей, молодыхъ и здоровыхъ, преждевременно сошли въ могилу на поляхъ европейской битвы. Онъ — непосредственный пособникъ кровавой рѣзни и поэтому тоже одинъ изъ виновниковъ всѣхъ ужасовъ, охватившихъ Европу...

Американское общество спокойно смотрѣло, какъ одинъ изъ членовъ его помогаетъ бойнѣ народовъ; американское общество никогда не задумывалось надъ этимъ и, признавая это въ порядкѣ вещей, ни разу не протестовало противъ подлой и сильной помощи, оказываемой Морганомъ воюющимъ странамъ. Мудрый президентъ Вильсонъ, представитель и глава американскаго общества, — человѣкъ, который, по всей вѣроятности, войдетъ въ буржуазную исторію Америки съ титуломъ „миролюбца", — ограничился только лишь выпускомъ манифеста въ самомъ началѣ войны, въ которомъ онъ приглашалъ гражданъ Соед. Штатовъ быть строго нейтральными и не оказывать никакой помощи воюющимъ въ Европѣ странамъ. Но на этомъ и закончилось его „миролюбіе" по отношенію къ Европѣ. Онъ занялся возстановленіемъ мира въ Колорадо и въ Мексикѣ. Но, зная прекрасно, какую неоцѣнимую пользу оказываетъ Америка, а въ частности Морганъ, воюющимъ странамъ, — нашъ „миролюбецъ" упорно молчалъ, не смѣя поднять свой голосъ протеста противъ капиталъ имущихъ, противъ человѣка, могущаго превратить маленькаго и ничтожнаго своего лакея-Вильсона въ порошокъ; онъ не смѣлъ протестовать противъ Моргана. И Морганъ продолжалъ свое подлое дѣло, а американскій „свободный и независимый" народъ молча проходилъ мимо этихъ вопіющихъ фактовъ; американское правительство, не разъ начинавшее разговоръ о возстановленіи мира въ Европѣ, молча смотрѣло на дѣла Моргана и молча допускало явное нарушеніе нейтралитета.

Но вотъ, наконецъ, среди подло-послушнаго американскаго общества нашелся одинъ человѣкъ, который имѣлъ настолько мужества и геройства, чтобы энергично протестовать противъ пособничества братоубійственной войнѣ. Нашелся одинъ человѣкъ, котораго, конечно, не преминули сейчасъ же окрестить безумцемъ, — человѣкъ, смѣло заявившій во всеуслышаніе, что надо остановить ужасную рѣзню и что остановить ее можетъ и долженъ Морганъ.

Онъ дѣйствительно былъ безумцемъ, потому что надѣялся, что въ мирномъ разговорѣ съ *финансовымъ* королемъ ему удастся повліять на *человѣческую* душу Моргана; что ему удастся, разсказавъ о всѣхъ жестокостяхъ, происходящихъ въ Европѣ, своимъ разсказомъ убѣдить Моргана въ необходимости скорѣйшаго прекращенія этихъ жестокостей, подлостей и поголовнаго безумія. Онъ надѣялся, что достаточно Моргану „узнать", чтобы онъ согласился отказаться отъ своихъ карманныхъ интересовъ и возгорѣлъ желаніемъ возстановленія обычной, мирной жизни въ Европѣ. Безумецъ надѣялся... хотя, по всей вѣроятности, онъ и предполагалъ, что у Моргана и ему подобныхъ карманные интересы выше всего. Иначе, отправляясь на мирные переговоры къ Моргану, онъ навѣрно не захватилъ бы съ собою оружіе, — браунинги и динамитъ.

И, когда охраняемый король не далъ ему слова произнесть, когда наемные слуги Моргана повалили его на полъ, онъ произвелъ выстрѣлы и ранилъ магната...

Таковъ безумно-красивый, геройски-смѣлый протестъ одной личности. Красивый и смѣлый потому, что въ то время, когда все многомилліонное населеніе Америки, включая сюда самые разнообразные слои общества вплоть до „сознательныхъ" рабочихъ, соціалистовъ и даже нѣкоторой части анархистовъ, ограничивали

4

24 августа въ Женевѣ, по обвиненію въ анархической и антимилитаристской пропагандѣ, былъ арестованъ французскій товарищъ *Альберъ Лурадуръ*. Около двухъ недѣль его держали въ тюрьмѣ, затѣмъ прочитали ему декретъ объ изгнаніи изъ Швейцаріи и о предстоящей отправкѣ его на французскую границу.

Товарищъ Лурадуръ опротестовалъ это постановленіе, ссылаясь на то, что, будучи уклонившимся отъ отбыванія воинской повинности во Франціи, онъ, по смыслу швейцарскаго законодательства, не можетъ быть выданъ французскимъ властямъ. Тогда ему заявили, что его отправятъ на итальянскую границу, если ему удастся добыть себѣ легальный паспортъ для проѣзда въ Италію (это изъ тюрьмы-то!). Лурадуръ отклонилъ эту „комбинацію", какъ лицемѣрную насмѣшку.

Послѣ долгихъ переговоровъ швейцарскій комиссаръ „конфиденціально" сообщилъ т. Лурадуру, что его отвезутъ на французскую границу, но не сдадутъ пограничнымъ властямъ, а выпустятъ гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ, такъ что онъ сможетъ спастись, если это ему удастся.

7-го сентября его доставили на пограничный пунктъ Borez и свели къ опушкѣ лѣса въ окрестностяхъ La Ripre, гдѣ и выпустили на свободу. Съ тѣхъ поръ отъ т. Лурадура извѣстій еще не было и мы не знаемъ, удалось ли ему „спастись".

Н. Г.

РАЗЪ НАВСЕГДА.

I. Письмо въ Редакцію.

Въ № 3 „Рабочаго Знамени" была помѣщена статья т. Овода *Жанна д'Аркъ Третьей Республики*.

Въ этой статьѣ т. Оводъ далъ, на нашъ взглядъ, содержательную, исчерпывающую критику позиціи, защищаемой М. Корнъ.

„Голосъ Труда" тоже напечаталъ статью т. Овода.

Это послѣднее обстоятельство и вызвало гнѣвъ В. Забрежнева, помѣстившаго въ № 46 „Г. Т." оскорбительное не только для т. Овода, но и для нашей газеты „Р. З." „Письмо въ Редакцію."

Мы понимаемъ, что можно содержательную статью т. Овода считать рѣзкой по формѣ. Но протестовать можетъ лишь тотъ, кто чуждается грубыхъ полемическихъ пріемовъ. Письмо-же Забрежнева является образчикомъ грубой и развязной „полемики" и ужъ во всякомъ случаѣ не ему, Забрежневу, защищать „лучшія традиціи" печатнаго слова.

Рощинъ. Оргеіани.

P. S. Прочли въ № 48 „Г. Т." статью т. Эйхенбаума, въ которой онъ бросаетъ намъ упрекъ въ томъ, будто-бы „Р. З." извращаетъ мысли своихъ противниковъ. Мы отвергаемъ этотъ упрекъ, какъ *легкомысленный*.

II. Письмо въ редакцію.

Дорогой товарищъ!

Просимъ помѣстить въ слѣдующемъ № „Р. З." слѣдующее наше заявленіе.

Прочитавъ въ „Г. Т." протесты т. т. Забрежнева, Шапиро и другихъ противъ редакціи „Р. З.", мы находимъ, что „протесты" эти являются сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Мы находимъ, что статьи т. т. Овода, Раб. Альфы и Александра Ге не содержатъ никакихъ личныхъ выпадовъ по адресу критикуемыхъ. Эти статьи очень вѣрно опредѣляютъ отношеніе критикуемыхъ къ настоящей войнѣ и указываютъ на перемѣну принципіальнаго фронта т. т. Кропоткинымъ и М. Корнъ.

Мы вполнѣ солидарны съ содержаніемъ этихъ статей. Намъ лишь больно за этихъ „протестантовъ", взявшихъ на себя монопольную роль защитниковъ т. т. Кропоткина и М. Корнъ.

Мы не думаемъ выступать защитниками авторовъ упомянутыхъ статей, но мы очень и очень хорошо понимаемъ, что было причиною ихъ немного рѣзкихъ и горячихъ выступленій. Судимъ по себѣ. Мы сами были глубоко огорчены выступленіями т. т. Кропоткина и М. Корнъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ готовы были рѣзко критиковать ихъ. Но смѣемъ завѣрить нашихъ „протестантовъ", что и мы питаемъ не менѣе любви и уваженія къ критикуемымъ товарищамъ, чѣмъ они сами.

Съ товарищескимъ привѣтомъ Лондонская анархическая группа

„Вольная Воля"

III. Письмо въ Редакцію.

По поводу моей статьи „Жанна д'Аркъ Третьей Республики" появился цѣлый рядъ озлобленныхъ выпадовъ противъ меня въ „Голосѣ Труда": В. Забрежнева въ № 46, В. Эйхенбаума въ №48, и А. Шапиро въ № 49.

Всѣ они берутъ подъ свою защиту партійное „приличіе". При этомъ я не могу сказать, чтобы они дѣлали это особенно изысканно и прилично.

На письмѣ А. Шапиро я останавливаться не буду. Этотъ товарищъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, до появленія статьи „Жанна д'Аркъ", увѣковѣчилъ себя присылкой настолько неприличнаго письма въ редакцію „Раб. Знамени", что печатать его не представлялось возможнымъ. Пожалѣемъ объ этомъ и пройдемъ мимо.

В. Забрежневу я позволю себѣ напомнить, что помимо „лучшихъ традицій русской прессы", на которыя онъ ссылается, у насъ существуетъ еще одинъ родъ лучшихъ традицій,— *традиціи анархизма*, на знамени котораго огневыми буквами начертаны слова: *антигосударственность, антипатріотизмъ, антимилитаризмъ*. Эти традиціи я и впредь буду отстаивать съ крайней рѣзкостью, на какую я только способенъ.

Что-же касается высказаннаго В. Забрежневымъ неудовольствія по поводу того, что ему на страницахъ „Г. Т." неожиданно пришлось очутиться въ обществѣ Овода и сдѣлаться „его невольнымъ коллегой по журналу", то я позволю себѣ скромно замѣтить Забрежневу, что, начавъ печататься въ „Г. Т.", онъ вообще неожиданно попалъ въ хорошее общество. Было бы слишкомъ жестоко съ нашей стороны лишать его этого общества, поэтому намъ, вѣроятно, еще придется встрѣтиться на страницахъ „Г. Т.", если печатающійся тамъ романъ Забрежнева окажется длиннымъ.

В. Эйхенбаумъ бьетъ на *товарищескія* чувства. Онъ, какъ истый небожитель, видитъ больше *форму*, чѣмъ *суть* дѣла. Для него всѣ одинаково анархисты и товарищи, невзирая на то, что они „инако мыслятъ". Для меня это далеко не такъ примитивно-просто. Для меня товарищъ — не тотъ, кто *называетъ* себя таковымъ, а только тотъ, кто связанъ со мною *единствомъ міросозерцанія и единствомъ борьбы*. Точно также, какъ

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань,

такъ и въ колесницу анархизма нельзя „гармонически" впрягать антимилитаристовъ вмѣстѣ съ поборниками за милитаризмъ и волонтерство. Подобная неестественная смѣсь — ни въ какомъ случаѣ не товарищество, а политическая неразборчивость. А, вѣдь, мы именно *по существу* не идемъ вмѣстѣ. И если только намъ дорого *содержаніе* анархизма, то мы не можемъ съ легкимъ сердцемъ „давать амнистію" милитаристамъ изъ нашей среды лишь на томъ основаніи, что *они* еще желаютъ называть себя нашими товарищами.

Зачѣмъ дробить наши силы,— „насъ и безъ того не много",— плачется В. Эйхенбаумъ. На это отвѣтъ мой кратокъ: *намъ нужно не количество, а качество*. Пусть насъ останется еще меньше, пусть уйдутъ отъ насъ всѣ невыдержанные, шатающіеся элементы,— въ этомъ опасности для движенія нѣтъ. Наоборотъ, если послѣ такой чистки насъ останется лишь маленькая горстка единомышленниковъ,— послѣдовательныхъ антигосударственниковъ и антимилитаристовъ,— то образованіе такого меньшинства послужитъ движенію только на пользу. Чѣмъ дальше отъ оппортунизма, тѣмъ сильнѣе грянетъ буря. Не намъ, анархистамъ, заниматься политикою „сглаживанія угловъ" и „нивеллировки разногласій" во имя... пресловутаго „организаціоннаго единства". Предоставимъ эту вредную никчемность соціальдемократамъ, какъ мы предоставляли ее имъ до сихъ поръ, намъ же она совсѣмъ не къ лицу. Посмотримъ прямо въ глаза дѣйствительности, будемъ послѣдовательны и рѣшительны, и скажемъ себѣ: тамъ, гдѣ для оздоровленія зараженнаго буржуазно-демократической идеологіей анархическаго организма это необходимо,— тамъ *да здравствуетъ расколъ*!

Оводъ.

IV. Заявленіе редакціи „Раб. Знамени".

Походъ противъ „Рабочаго Знамени", на которомъ намъ, къ сожалѣнію, приходится сейчасъ останавливаться, былъ начатъ компактной группою товарищей, объединенныхъ враждебностью къ нашей газетѣ больше, чѣмъ единствомъ міросозерцанія.

Походъ былъ открытъ *еще въ апрѣлѣ т. г.*, сейчасъ же послѣ появленія № 1 „Р. З.", но мы *еще въ февралѣ*, т. е. *до выхода № 1*, знали о томъ, что онъ „организуется".

Ввиду мотивированнаго отказа съ нашей стороны напечатать присланные намъ два заявленія, - одно за подписью шести товарищей (въ томъ числѣ Забрежнева, Корнъ и Эйхенбаума), другое *съ фронта французской арміи*, подписанное двумя волонтерами, — протестанты отправили ихъ въ „Г. Т.", гдѣ они и появились въ № 45. По тѣмъ-же причинамъ, вслѣдствіе которыхъ мы отказали протестантамъ въ печатаніи ихъ заявленій на столбцахъ „Р. З.", мы оставили ихъ безъ отвѣта и впослѣдствіи, когда они были опубликованы въ „Г. Т.".

Мы и дальше продолжали бы молчать, если бы опубликованіемъ двухъ вышеупомянутыхъ протестовъ дѣло ограничилось. Къ сожалѣнію, этого не случилось: въ №№ 46, 48 и 49 „Г. Т." появились „Письма въ Редакцію" В. Забрежнева, В. Эйхенбаума и А. Шапиро. Письма эти вызваны, яко-бы, статьей Овода „Жанна д'Аркъ Третьей Республики" и полны нападокъ по адресу „Р. З." и его сотрудниковъ.

Редакція „Г. Т." въ № 49 дала авторамъ „Писемъ" очень достойный, категоричный и вполнѣ удовлетворяющій насъ отвѣтъ, указавъ имъ на неумѣстность и неосновательность ихъ нападокъ. Тамъ-же появилось въ высшей степени категорическое письмо т. Полонской.

Мы и сейчасъ считаемъ излишнимъ останавливаться на „письмахъ" Забрежнева, Эйхенбаума и Шапиро, какъ вообще до сихъ поръ мы оставляли безъ отвѣта *цѣлый рядъ* инсинуирующихъ писемъ со стороны лицъ, для которыхъ появленіе „Р. З." было *весьма несвоевременнымъ* событіемъ.

Мы хотѣли бы только подчеркнуть здѣсь, что „Р. З.", вопреки утвержденіямъ этихъ авторовъ, никогда не занималось *личными* нападками на кого бы то ни было. Оно лишь всегда очень рѣзко выступало противъ отдѣльныхъ дѣятелей, поскольку эти послѣдніе появлялись *на общественной аренѣ*, но дѣлало это *только* въ предѣлахъ высказываемыхъ ими *принципіальныхъ* положеній.

Въ этихъ предѣлахъ „Р. З." считаетъ себя въ правѣ и впредь рѣзко отстаивать основныя положенія анархизма противъ отдѣльныхъ авторовъ, которые на нихъ покушаются, ибо ревизіонизмъ, направленный въ сторону *приспособленія* анархизма къ милитаристическимъ потребностямъ той или другой изъ воюющихъ другъ съ другомъ политическихъ группировокъ, является по существу *буржуазнымъ* теченіемъ, идущимъ противъ интересовъ рабочаго класса, который *одинаково* враждебенъ *всѣмъ* государственно-дипломатическимъ комбинаціямъ.

„Рабочее Знамя", не взирая ни на какія нападки, ни прямыя, ни косвенныя, и впредь останется *только рабочимъ* знаменемъ. Оно и впредь будетъ вести такую же непримиримую борьбу съ соціалъ- и анархо-шовинистами всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, не останавливаясь ни передъ „моральнымъ" возмущеніемъ своихъ многочисленныхъ недруговъ, ни передъ проявленіями ихъ безсильнаго озлобленія, а молча проходя мимо нихъ. И если на этотъ разъ мы еще сочли нужнымъ высказаться по поводу нападокъ на „Р. З.", то только потому, что онѣ появились въ дружескомъ намъ „Г. Т." Впредь же мы этого дѣлать больше не будемъ, ибо молчаніе — единственный достойный отвѣтъ на всѣ выпады „изъ того лагеря".

[Редакція „Рабочаго Знамени".

КЪ ТОВАРИЩАМЪ

Товарищи!

Задача, которую полгода тому назадъ первоначально поставило себѣ «Рабочее Знамя», — организацію анархическихъ силъ вокругъ нашихъ старыхъ лозунговъ антигосударственности, антипатріотизма и антимилитаризма, — отчасти, насколько это было въ нашихъ силахъ, осуществлена.

Но современныя условія не позволяютъ ограничиться *исключительно* идейной организаціей. Они ежедневно выдвигаютъ новые запросы, ставятъ практическія задачи, которыя нуждаются въ постоянномъ обсужденіи и освѣщеніи въ нашей прессѣ.

До сихъ поръ «Рабочее Знамя» не могло выходить регулярно по причинамъ матеріальнаго характера. Выходъ его каждый разъ зависѣлъ отъ количества случайныхъ поступленій и обуславливался ими.

Чтобы поставить дѣло изданія «Рабочаго Знамени» на прочную почву, необходимо изысканіе болѣе или менѣе постоянныхъ рессурсовъ.

Съ этой цѣлью мы обращаемся къ группамъ и отдѣльнымъ товарищамъ, сочувствующимъ начатому нами дѣлу, съ предложеніемъ приступить, гдѣ только это будетъ возможно, къ организаціи спеціальныхъ *группъ содѣйствія «Рабочему Знамени»*.

Работа организаціонной и идейной группировки вокругъ нашихъ старыхъ анархическихъ лозунговъ тѣмъ болѣе необходима и должна быть продолжена именно теперь, когда передъ нами вновь встаетъ задача скораго практическаго приложенія нашихъ силъ. Міровой масштабъ надвигающихся событій требуетъ полнаго напряженія ихъ. Война, длящаяся уже годъ, всюду создаетъ условія для соціальнаго переворота. Она можетъ поставить насъ передъ лицомъ *Соціальной Революціи*, несущей смерть буржуазному правопорядку. И если мы встрѣтимъ Соціальную Революцію съ радостью, если мы и готовы отдать за нее все, что можемъ, всѣ наши силы и помыслы, то одного этого еще не достаточно. Мы не должны забывать о нашей *исторической отвѣтственности*, объ идейномъ содержаніи Революціи, и должны вступить въ нее подготовленными, во всеоружіи, сильные *сознаніемъ, волею* и *сплоченностью*.

Общеевропейская война, къ сожалѣнію, показала, что и въ нашихъ рядахъ существовала принципіальная неустойчивость Правда, уклоненіе въ сторону соціалъ-патріотизма не могло принять у насъ тѣхъ размѣровъ, какъ у соціалистовъ-государственниковъ всѣхъ странъ и всѣхъ оттѣнковъ, но и у насъ также нѣкоторые *отдѣльные* товарищи не сумѣли остаться на старыхъ принципіальныхъ позиціяхъ, вытекающихъ изъ общеанархической концепціи. Это новое и неожиданное обстоятельство создало для насъ печальную необходимость бороться не только съ врагами справа, какъ мы всегда дѣлали это до сихъ поръ, но также и съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, съ которыми мы еще вчера шли вмѣстѣ и работали рука объ руку.

Итакъ, все создавшееся положеніе ставитъ передъ нами сейчасъ двоякую задачу:

1. Завершеніе идейнаго и организаціоннаго объединенія анархическихъ силъ на старыхъ лозунгахъ *антигосударственности, антипатріотизма* и *антимилитаризма*. Изъ этого вытекаетъ необходимость борьбы со всѣми теченіями, противорѣчащими этимъ основнымъ лозунгамъ анархизма.

2. Практическое приложеніе нашихъ силъ на мѣстахъ, планомѣрная организація этихъ силъ для *непосредственной* и *агрессивной* борьбы съ Капиталомъ, Церковью и Властью.

Эта программа можетъ получить осуществленіе только при условіи дружнаго и энергичнаго сотрудничества всѣхъ товарищей, раздѣляющихъ ее, и мы приглашаемъ ихъ возможно скорѣе отозваться на нашъ призывъ.

P. S. Это обращеніе было разослано нами въ сентябрѣ. Воспроизводя его въ настоящемъ № «Р. З.», мы еще разъ обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на необходимость необходимость немедленнаго его обсужденія.

Редакція.

КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ ЗА № 3 „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ"

Приходъ.		Фр.
Осталось въ кассѣ		58,50
Отъ т. Каменной, Лозанна		20,—
„ Лондонской группы „Вольная Воля"		63,—
„ Цюрихской группы „Рабочій Міръ"		20,—
„ Меера, за продажу № 2 въ Парижѣ		7,50
Черезъ него же по подписному листу:		
Эстеръ 2.—; Ос—въ 1.—; Исаакъ 0.50; Александръ 0.50; Петръ 1.50; Морисъ 1.—; Ко—ичъ 0.50; Анарх.-комм. 1.50; У—инъ 3.—.	Всего	11,50
Отъ Лоуба, часть заработка		10,—
Отъ Союзовъ Русскихъ Рабочихъ въ Америкѣ:		
Изъ Макъ-Кисъ-Роксъ	5,—	
„ Балтиморы	16,75	
„ С. Франциско	5,15	
„ „	5,15	
„ Клевленда	29,55	
„ Миннеаполиса	9,80	
„ Чикаго	2,—	
„ Космополиса	5,15	
„ Детройта	53,80	
„ Провиденса	12,85	
„ Рочестера	5,15	
„ Филадельфіи	10,—	
	Всего	160,35
	Итого	350,85

Расходъ:	Фр.
Организаціонные расходы	24,10
Почтовые и канцелярскіе расходы, экспедиція	56,25
По счету типографіи за № 3.	225,—
Всего	305,35
Остается въ кассѣ	45,50

КАССОВЫЙ ОТЧЕТЪ ЗА № 4 „РАБОЧАГО ЗНАМЕНИ"

Приходъ.		Фр.
Осталось въ кассѣ		45,50
Отъ Парижской группы содѣйствія анархич. прессѣ:		
за продажу № 3	22.50	
по подписнымъ листамъ	43.30	
часть дохода съ предпріятія	50.—	
за продажу № 4	21.95	
по подписн. листу въ Arsenal de Puteaux	14.05	
		151.80
Отъ Лондонской группы а.-к. „Вольная Воля".		93.50
Черезъ т. М., La Chaux-de-Fonds		6.50
„ Р. К.		—.80
Отъ т. Х., Бернъ.		4.—
Черезъ т. П. Самсонова, Ливерпуль		20.40
„ Нѣмчинова „		7.50
Отъ т. Б. Дукельскаго, Парижъ.		10.—
Черезъ Женевскую группу:		
отъ группы	55.—	
„ реферата т. Бертони	11.50	
изъ Софіи за прод. газеты.	10.—	
изъ Америки, черезъ т. Н. Р.	1.75	
		78.25
Отъ С. Р. Р. въ Чикаго		24.45
„ „ въ Детройтѣ		10.30
„ т. П. Беккера, Логанспортъ		10.00
„ т. Шпрунка, Базель.		2.—
„ т. Бетти, Базель.		2.—
Черезъ т. Альфу:		
отъ Celle-bagor	10.—	
за продажу въ Цюрихѣ „Р. З."	2.—	
		12.—
Всего		479.30

Расходъ:	Фр.
Организаціонные расходы	26.70
Канцелярскіе расходы	5.10
Почтово-телеграфные расходы и экспедиція	67.70
По счету типографіи	293.—
Всего	392.50
Остатокъ на № 5.	86.80

Поступило въ Спеціальный Фондъ,
черезъ т. М., Chaux-de-Fonds 6.—

Nous remercions les camerades de l'Arsenal de Puteaux, à Paris, pour leur collecte, ainsi que le camarade Bertoni, à Genève, pour sa conférence au profit de notre journal.

Адресъ для корреспонденціи и денежныхъ переводовъ:
Dr. Wintsch, 4, rue Dickens, Lausanne.
pour Rab. Znamia.
Editeur responsable Docteur Wintsch, rue Dickens, 4, Lausanne.

Imprimerie Chaulmontet. 12, rue des Rois, 12. Genève.